

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени В.М. Шукшина»
(АГГПУ им В.М. Шукшина)
Факультет истории и права
Кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин

**Япония глазами россиян
(по материалам конца XVIII – начала XX века)**

Дипломный проект

Допустить к защите

Зав. кафедрой _____
«__» _____ 20__ г.

Выполнила студентка
И-ИП111_____ группы

Александрова
фамилия

Светлана Владимировна
имя, отчество

Научный руководитель:

Коляскина Е.А
фамилия, имя, отчество

(подпись)

Оценка _____

«__» _____ 20__ г.

Подпись _____
(Председатель ГЭК)

Введение	3
Глава I. Политические институты Японии.....	12
1.1. Государственное устройство.....	12
1.2. Законодательство.....	20
1.3. Взаимоотношения с Россией.....	29
Глава II. Культурные институты Японии	42
2.1. Быт и нравы японцев.....	42
2.2. Религия и мифология.....	49
Заключение.....	56
Источники.....	58
Литература.....	61

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что сейчас к станам Востока, в том числе к Японии, имеется общественный и научный интерес. Уникальность японской цивилизации сформировалась в период феодализма и продолжает определять развитие Японии в новейшее время. Даже глобализация не в силах прервать преемственность общественного развития этой страны. И в XXI веке японцы сохраняют свою самобытность.

Первые упоминания о Японии Европа услышала ещё в эпоху Средневековья, познав её вместе с путешественниками как страну неслыханной вежливости и сказочного богатства. Эти представления доминировали и тогда, когда в XVII-XVIII веках сначала португальскими, а потом голландскими купцами и миссионерами были обнародованы многочисленные факты из жизни и истории этой далёкой для европейцев страны.

Соседство России и Японии, состояние современных политических, экономических и культурных отношений между странами определяет интерес к ним со стороны общественности.

Объектом исследования является отечественная общественно-научная мысль конца XVIII – начала XX века.

Предметом является Япония в российском общественно-научном дискурсе конца XVIII – начала XX века.

Цель работы – реконструкция взглядов российских исследователей конца XVIII – начала XX века на японское государство и культуру.

Задачи:

1. Выявить основные аспекты существования Японии, рассмотренные в работах отечественных исследователей конца XVIII – начала XX века.

2. Охарактеризовать основные точки зрения российских исследователей конца XVIII – начала XX века на политические институты Японии: история становления, устройства, законодательство, международные отношения с Россией.

3. Проанализировать основные взгляды российских исследователей конца XVIII – начала XX века связанные с религией и мифологией, а так же бытом и нрава японцев.

Хронологические рамки. Конец XVIII – начало XX века (1917 год) Российской истории – это период, когда началось активное взаимодействие с Японией, появились первые научные работы посвященные этой стране. Нижняя границы хронологических рамок связана с первыми визитами русских дипломатов и путешественников в Японию, сопровождавшихся заметками о стране. Верхняя временная граница обусловлена крахом Российской империи и началом новой эпохой в отечественной истории.

Степень изученности темы.

Отправной точкой для начала публикации документов и исследований, посвященных данной теме, послужила организация второго русского посольства в Японию в 1804 - 1805 гг.

Первой попыткой рассмотреть взаимоотношения россиян и японцев является глава «Сношения России с Японцами» в книге Н.П. Колотыгина «О Японии и Японской торговле или новейшее историческо-географическое описание японских островов». В очень сжатой форме в ней изложены основные события периода становления русско-японских отношений: существование в Иркутске школы японского языка, плавания россиян в Японию начиная с 1739 г. и заканчивая освобождением В.М. Головнина из японского плена. Несколько позднее побывавший в 1804 - 1805 гг. в Японии В.Н. Берх описал факты, связанные с посольствами А.К. Лаксмана и Н.П. Рязанова, в работе «Сношения русских с Японией или образцы японской дипломатии». Однако обе эти работы не затрагивали пребывания в России в конце XVII - начале XVIII в. японца Дембея. Исследователи второй половины XIX в. восполнили этот пробел, рассмотрев его рассказы о Японии и судьбу организованной благодаря его появлению в России школы японского языка.

Вторая половина XIX - начало XX в. отмечены выходом в свет большого количества работ, что явилось следствием установления официальных русско-японских отношений. Проблематику исследований данного периода составляют пребывание в России первых японцев и организация школы японского языка, два первых посольства в Японию.

Благодаря исследованию А. Полонского «Курилы», опубликованному в 1871 г., впервые в России был поставлен вопрос о взаимосвязи русско-японских отношений и исследований Курильских островов, проводившихся Россией с 1702 г.⁴ По ряду вопросов А. Полонский дал ошибочные оценки, опровергнутые в дальнейшем исследователями. Например, говоря о результатах плавания Шпанберга, он придерживался мнения, что эта экспедиция не имела успеха и «после дорогой Японской экспедиции исследование Курильской гряды оставалось тою же только что начатой задачей». Полонский забывал, что главная задача этого плавания состояла в открытии пути в Японию, и оценивал итоги исследования 1738 - 1739 гг. в зависимости от итогов деятельности Шпанберга на Курильских островах. Тем не менее А. Полонский впервые в отечественной историографии показал взаимосвязь между процессами освоения Курильских островов и становления русско-японских отношений.

Продолжалось в этот период и изучение первых посольств в Японию. Данной теме посвящена работа К. Военского «Русское посольство в Японию в начале XIX в.». Главное внимание он уделил посольству 1804 - 1805 гг., но при этом рассмотрел и миссию, возглавляемую А.К. Лаксманом в 1792 - 1793 гг., по результатам которой было организовано посольство Н.П. Резанова.

Вопросы, связанные с посольством А.К. Лаксмана, рассматриваются в работе, посвященной его инициатору и одному из главных организаторов - Э.Г. Лаксману. Здесь присутствует сравнительная оценка первых посольств, согласно которой посольство А.К. Лаксмана было обдуманное и непритязательное, а посольство Н.П. Резанова - бездумное и хвастливое,

чем и объяснялась во многом потеря Россией в 1804 - 1805 гг. разрешения на допуск судна в Нагасаки, полученное в 1792 - 1793 гг.

Тема первых посольств затронута в работе А. Сгибнева «Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий». Наряду с исследованием С.И. Новаковского, опубликованным несколько позднее, здесь рассматривались все шаги, предпринимаемые Россией для установления отношений с Японией, начиная с появления в начале XVIII в. в Москве японца Дембея. Однако вышедшая в 1918 г. в Токио работа С.И. Новаковского «Россия и Япония», несомненно, более обширна, чем исследование А. Сгибнева, прежде всего за счет того, что Новаковский стал первым отечественным исследователем, использовавшим японские источники. Благодаря привлечению японских архивов работа С.И. Новаковского не утратила своей ценности до сих пор.

Непосредственно проблема образа Японии и японцев рассматривается в исследованиях таких ученых, как С.Б. Маркарьян¹, А.Е. Жуков², А.И. Штейнгауз³, Л.В. Жукова⁴. В этих работах показан образ Японии и японца в восприятии русских и европейцев в разные периоды их исторического взаимодействия. В статье Л.В. Жуковой рассматривается процесс формирования образа врага в лице Японии и японца в период русско-японской войны, а так же различные приемы моделирования образа врага, которыми пользовались авторы статей газет и журналов. Восприятие Японии в годы войны разделено на параллели «фронт» и «тыл».

Говоря о литературе исследовательского характера постсоветского периода, хотелось бы особо отметить таких востоковедов как В.Э.

¹ Маркарьян С. Как меняется взаимовосприятие [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.japantoday.ru/znakjap/kultura/20_1.shtml. 20.12.15

² Жуков А.Е. Японское зеркало: факторы формирования представлений о Японии в странах Запада и России [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.comitet21.ru/analyth_10.htm. 10.12/15

³ Штейнгауз А.И. Япония и японцы глазами русских (вторая половина XIX в) [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/12/shtejngauz12.shtml>. 20.12.07.

⁴ Жукова Л.В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. С. 259-275.

Молодяков и А.Е. Куланов. В.Э. Молодяков – российский историк и политолог. Наиболее значимой для данной работы является его монография «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века», где подробно рассматривается образ Японии, начиная с так называемой реставрации Мэйдзи и заканчивая первой третью XX века. Также есть и другие публикации В.Э. Молодякова, касающиеся проблемы восприятия Японии в России¹, в которых показана трансформация образа Японии в связи с различными политическими событиями и ее восприятие в среде русской интеллигенции.

А.Е. Куланов – российский журналист, специалист в области политической имиджологии² и межкультурных коммуникаций, член правления Ассоциации японоведов, руководитель Центра восточных исследований Академии имиджологии. В данной работе были использованы статьи Куланова, посвященные формированию образа Японии в России в связи с русско-японской войной 1904-1905 гг.³, а также написанные им в соавторстве с Ю.Б. Стоногиной⁴ статьи по имиджологии, раскрывающие психологические и социологические

¹ Молодяков В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.: ИВ РАН, 1996. 182с.; Молодяков В.Э. Брюсов и Япония: сто лет спустя [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.japon.ru/?TextArchive&ID=175>; Молодяков В.Э. Восток Ксеркса (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока, 1991, №1. С. 61-68.

² Имиджология – это новая научно-прикладная дисциплина, возникающая на стыке психологии, социологии, философии, культурологии и ряда других наук; изучает закономерности формирования образа (имиджа), его функционирования и управления им; раскрывает общее, особенное и единичное в онтологии всех видов имиджей.

³ Куланов А.Е. Налетели ветры злые, да с восточной стороны... // Родина, 2005, №10. С. 76-78; Куланов А.Е. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.japon.ru/?TextArchive&ID=73>.

⁴ Стоногина, Юлия Борисовна. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру там же. Работала автором и ведущей программ "Радио России", генеральным директором PR — агентства "Радон-Пресс", заместителем генерального директора КГ "Инсайдерс", генеральным директором КГ «Инсайдерс» (до октября 2005 г.). До апреля 2008 г. – генеральный директор, член Совета директоров Коммуникационной Группы Point Passat. Автор свыше сотни статей на темы имиджмейкинга, PR, японской культуры и российско-японских отношений, соавтор коллективной монографии "Россия и Япония, соседи в 3-м тысячелетии". Публикуется как в российских, так и в японских СМИ.

особенности формирования образа чужого и стереотипизации сознания человека¹. Кроме того, Куланов - основатель и главный редактор интернет-издания «Японский журнал» - Japon.ru, материалы которого использовались в данной работе. В своих работах А.Е. Куланов дает ответ на вопрос, почему, проиграв Русско-японскую войну, в России всерьез и надолго увлеклись Японией, а Япония, проигравшая Вторую мировую войну, чувствует себя победителем по отношению к России.

Данной теме посвящены статьи современных отечественных историков В.А. Колосова² о формировании образов зарубежных стран в российском общественном сознании и совместная работа А.В. Ефименко и В.В. Шевцова³ о проблеме формирования образа чужого в европейском обществе.

Интересное исследование по проблеме формирования образа Японии в России в годы русско-японской войны посредством периодической печати провел И.О. Ермаченко⁴, показав различные приемы авторов статей для поддержания в обществе того или иного образа Японии на протяжении русско-японской войны, а также трансформацию этого образа в сознании читателя.

Работы предшественников создали задел для дальнейшего историографического исследования темы.

Источниковая база исследования представляет собой комплекс опубликованных работ российских путешественников, дипломатов,

¹ Куланов А.Е. Стоногина Ю.Б. Образ Японии в России: правда и вымысел // Новый журнал, 2003, № 231 [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2003/231/kulanov.html>; Куланов А.Е. Стоногина Ю.Б. Образ и реальность: Япония и Россия глазами друг друга // Неприкосновенный запас, 2003, № 3 (29) [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/kulan.html>.

² Колосов В.А. «Низкая» и «высокая» геополитика: образы зарубежных стран в представлениях российских граждан // Отечественные записки, 2002, № 3. С. 33-52.

³ Ефименко А.В. Шевцов В.В. Образ чужого в европейской культурной традиции [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50884.15.03.08>.

⁴ Ермаченко И.О. Япония и Китай в русской прессе 1904-1905 гг.: динамика образов в контексте общественной самооценки // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Материалы международной научной конференции. Уфа, 2002 [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.bashedu.ru>. 29.03.09.

публицистов и историков конца XVIII – начала XX века, характеризующих Японию.

Классификация источников представляется достаточно сложной в связи с тем, что один и тот же документ может одновременно содержать сведения по нескольким направлениям исследования. Однако условно можно выделить следующие основные группы источников.

Среди источников можно выделить дневники путешественников. Например, И.И. Федоров писал о своем путешествии на Сахалин и в Японию. Интересно, что он изучил деятельность сигуната и императорского культа в Японии. Был взбудоражен культурой и незабываемыми видами. Он писал в своей работе о кораблях и Японских морях, которые избегали смерти при кораблекрушениях. В своем дневнике Е.Е. Левенштерн описал кругосветное плавание на остров Хоккайдо. Отрывки из дневника Н.В. Буссе рассказывают о взаимоотношениях русских и японцев на острове Сахалин. П.С. Муханов рассказывает в своем дневнике гардемарина впечатления о Японии середины XIX в., ее природной красоте и удивительной культуре. Дневники военного министра России А. Н. Куропаткина посвящены его поездке в Японию летом 1903 г. Они повествуют о военном и политическом положении на Дальнем Востоке в это время.

Путевые заметки представлены работой В.Е. Махова, в которой он рассказывает о кругосветном плавании на Фрегата «Диана», и о японской духовной культуре. Алексеев П.С. пишет о железнодорожных путях Японии, и возможностях путешествовать по ней.

Эпистолярный жанр представлен письмом из Японии к господину О.Е. Коцебу от его сына, который уделил внимание прекрасной японской природе, культуре, в том числе театру. Письмо командира корвета „Витязь" Флигель Адъютанта С.О. Макарова показывает нам ход дел нашей духовной Миссии в Японии. Он написал его из Иокогамы одному из своих друзей в Петербурге, благодаря уникальным сведениям, представленным автором,

письмо было выпущено отдельной брошюрой как рассказ постепенном развитии православия в Японии.

Инструкции к экспедиции Н.А. Хвостова посвящены истории дипломатических взаимоотношений Японии и России.

Журнал мореплавания А.К. Лаксмана является основным источником для изучения первого русского посольства в Японию, международных отношениях этой страны.

Воспоминания А.А. Черевковой дают интересные сведения о быте и образе жизни японцев глазами российской женщины в конце XIX в. Воспоминания В. Крестовского о стране «Восходящего солнца» рассказывают о религиозных культах японцев, с которыми автор познакомился во время пребывания в Японии.

Очерк А. Добровольского так же повествует об образе жизни и быте японцев.

Ряд российских исследователей опубликовали статьи и доклады, касающиеся политических институтов современной им Японии. Публикация «Русское посольство в Японию в начале XIX века. (Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг.)» в «Русской старине» за 1895 содержит сведения о международной политике страны, в том числе о взаимоотношениях с Россией. Статьи М. Венюкова дают описания военной мощи и политического устройства страны во второй половине XIX в. Н. Ларионов рассказывает о политическом состоянии Японии 1888 году и взаимоотношениях с Россией.

К историческим исследованиям профессиональных отечественных востоковедов рубежа XIX-XX вв. относятся очерки Т.А. Богдановича «Очерки из прошлого и настоящего Японии», Г.А. Щербатова «Россия и Япония», Н.И. Конрада «Япония. Народ и государство». Авторы исследовали историю Японии, мифологию, родовой строй, зарождение феодализма, капитализма.

Методы исследования. В ходе исследования использовались следующие методы: описательный, проблемно-хронологический,

исторической антропологии и системного анализа. Последний использовался для вычленения элементов и их взаимосвязей в политических и культурных институтах Японии с точки зрения исследователей. Применение метода исторической антропологии, признающего ведущую роль личности в историческом процессе, способствовало выявлению знаковых элементов культуры и исторических личностей, мировоззрения. Историко-описательный метод позволяет полно представить видение авторов в исследуемых источниках. Благодаря проблемно-хронологическому методу оказались раскрыты отдельные проблемы исследования в хронологической последовательности. Цивилизационный метод позволяет изучать и рассматривать такие предметы и явления, как язык, история, религия.

Практическая значимость: материалы данной работы могут быть интересны на уроках истории в школе, при чтении специальных и элективных курсов.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, разбитых на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

Глава I. Политические институты Японии

1.1. Государственное устройство

Российские исследователи конца XVIII – начала XX в. уделяли большое внимание устройству Японского государства.

В письме О.Е. Коцебу 1805 г. было уделено внимание характеристике политической системы Японии. Автор в начале пишет о наличии в стране большого количества царств. Позднее делается уточнение: «Японские все острова и государства под именем единого царя». Упоминается два начальника, которые некогда «умыслили были от царя отложиться, себе царства владеть. И было в том много смятение. И потом царь их одолел, и царства свои в смирение и кротость привел. И ныне един царь самодержавный, Даер именуется»¹.

Несколько раз автор письма говорит о борьбе за власть в средневековой Японии и ее результате – объединении страны: «В древней лета тем царством владел в ней царь Нобунунга [Нобунага], то изведен ... А Ныне вправе все Японии царь Токасами, или Тайко».²

По сравнению с предыдущими данными, в «Описании Японского государства» И. Козырева приводилось больше информации о политическом устройстве Японии, придворном церимониале: «Государство стоит в великой губе над рекой [Токийский залив, в который впадает р. Тонэ], а затем звания их Едо общим Нифонское государство... А царя своего не видят, а когда бывает ход, и в это время падут на землю и смотрят не смеют. А звание тому царю Кобосама Телка [Кубо-сама-но тэнка - И.С.]. И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают ради управления наместников»³.

¹ Коцебу, О.Е. Письмо [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Kotsebu/brief_japan_1805.phtml?id=11755

² Коцебу, О.Е. Письмо [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Kotsebu/brief_japan_1805.phtml?id=11755

³ Цит. по : Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Японского государства» // Проблемы Дальнего Востока .1975.№ 2. С.139-141.

И. Козырев отметил факты, свидетельствующие о политической раздробленности в Японии: «Город Кинокуни [Провинция Кии-Кии-но-куни] особое владение, а владеет узакинским царю [Осакийский князь (даймё)] свойственник ближней»; «В глубине морского бриза моря стоит великий город званием Исса [Исэ], особое владение, а владеет званием их Уатт Етвемя [верховный жрец храм богини Солнца Аматаэрасу] подобен большому царю Кобосоме».¹

В «Описании Японии государства» И. Козыревский собрал достаточно верную информацию, специально оговорив не понятые им места в рассказе японцев тем, что «о том не уведомился, забвением не спросил», или же «того в достаток не уверился. Для тот полоненные иноземцы разговору и русскому языку в достаток не обжили в то время, когда они у меня были и жили».²

Н.В. Буссе в своих заметках «Русские и японцы на Сахалине» обратил внимание на представления японцев о своем императоре, почерпнутых из разговора с двумя японцами: «Я спросил их, видели ли они своего императора, они ответили, что нет, что если простой человек на него посмотрит, то потеряет зрение. Императора носят в закрытых носилках, окружают стражами, которые разгоняют народ. Вельможи имеют доступ к императору».³ Так же исследователь дал понять о закрытости аристократического сословия Японии: «Вельможи имеют доступ к императору. Император имеет несколько жен. В жены он берет дочерей вельмож своих. Сыновья его женятся на дочерях то же знатных людей, а дочери выходят замуж за владетельных князей».⁴

В работе Н.В. Буссе обращено внимание на подчиненное положение по отношению к японцам айнов, которые населяли соседние с Японией острова. Автор пишет, что японского джанчина (начальника) встречало человек 30

¹ Цит. по : Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Японского государства» // Проблемы Дальнего Востока .1975.№ 2. С.139-141.

² Цит. по: Черевко К. Е. Указ.соч.С.140.

³ Буссен Н.В. Русские и японцы на Сахалине

⁴ Буссен Н.В. Русские и японцы на Сахалине

айнов на коленях; — до прихода русских, по 300 человек¹. Японцы, по сообщению, Н.В. Буссе, имели на Сахалине промышленные заведения².

О. Крестовский сообщил сведения о первых императорах: «Вступление на престол первого исторического государя Японии, *Санно*, память коего чтима под дменем *Дзинму* или *Цингму*, относится к 667 году до Р. Х.³». Он изложил мифологию появления императорской династии, раскрыв причину сакральности японских микадо: «Тенсё была основательницей пяти династий земных богов, оставивших по себе человеческое потомство, и оттого-то все японцы вообще, а наследственные их императоры (микадо) — в особенности, выводят свое происхождение по прямой линии от Тенсё, богини солнца.. Пятый и последний из земных богов, происшедших от Тенсё, оставил по себе четырех сынов, из коих однако престол родительский занял, по воле отца, младший, как самый способный и достойный. В юности он носил имя Санно»⁴. Исследователь объяснил в связи с данной мифологией название страны – Ниппон, что в переводе значит колыбель солнца; поэтому же и эмблема "восходящего солнца" является государственным гербом Японии; принята была впоследствии; древнейший же герб — дракон, от которого якобы произошел первый микадо Японии — Цинму⁵

В работе видна положительная оценка завоевательной/объединительной деятельности первого императора: «Санно... был властителем небольшой земли (острова Лу-Чю, называемые обыкновенно европейцами Лиу-Киу); но 45-ти лет от роду, в 667 году до Р. Х. Санно выступил на завоевание островов, лежавших восточнее собственных его владений. Частью оружием, а более мудростью подчинив их своей власти, он, 7 лет спустя, соединил под своим скипетром все острова Японии и основал династию микадо,

¹ Буссен Н.В. Русские и японцы на Сахалине

² Алексеев П.С. Путевые заметки о Японии [Электронный ресурс]: Адрес доступа : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Alexeev_P_S/text1.htm

³ Крестовский О. Синто и Буккьо. (Из воспоминаний о стране "восходящего солнца") // Русский вестник, № 8. 1890. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Krestovskij/text1.phtml?id=11790>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

благополучно царствующую до сего дня. По смерти, его назвали Цинму-тен-воо, т. е. повелитель, прославившийся на небе, и под этим названием ему и поныне воздаются почести, как первому святому. Цинму открывает собою историческую эру Японии, началом коей служит 660-й г. до Р. Х., совпадающий со вступлением его на всеяпонский престол»¹.

Более тысячи лет в Японии существовал феномен двоецарствия, когда формальный император - тэнно - не имел реальной власти, зато считался прямым потомком богини Аматэрасу, а реальная власть находилась в руках сегуна. Как и любое феодальное общество, Япония делила всех своих жителей на сословия, права и обязанности которых были жестко зафиксированы. Окончательно сословная система оформилась в XVII веке при сегунате Токугава и получила название си-но-ко-сё.

Рубеж XIX – XX вв. – это время появления достаточно комплексных работ истории Японии, особенно среди них нужно выделить исследования Т.А. Богдановича и Н.И. Конрада.

В своей работе Т.А. Богданович исследовал становление феодализма и систему управления в средневековой Японии. По мнению автора, в течение целого тысячелетия, со времен завоевания племени Ямато Японии до реформ «Тайка», вся страна представляла конгломерат слабо объединенных между собой социальных мирков. Создание государственного единства и общегосударственных интересов не могло возникнуть. Не могла, следовательно, и окрепнуть сразу введенная сверху централизация. Прежние социальные навыки должны были, несомненно, так или иначе проявить себя, воспользоваться первой же оставленной им лазейкой, чтоб вступить в борьбу с объединяющей властью. Такой лазейкой была допущенная сначала в виде исключения частная собственность на землю. Происхождение ее было разное, но вся она стремилась приобрести один и тот же независимый от государства характер.

¹ Крестовский О. Синто и Буккьо. (Из воспоминаний о стране "восходящего солнца") // Русский вестник, № 8. 1890. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Krestovskij/text1.phtml?id=11790>

Механизм, с точки зрения Т.А. Богдановича, был следующий: наместник, получал свои земли временно за службу, овладевал ими настолько прочно, - особенно на окраинах, - что не расставался с ними, и оставляя место. Но и последнее случалось редко, - по большей части, когда должность попадала представителю какого-нибудь уважаемого рода, она не только оставалась за ним на всю жизнь, но и закреплялась за его потомством. Такой наследный наместник становился совершенно независимым и бесконтрольным хозяином земель.¹

Исследователь описывает в своей работе процесс феодализации японского государства. Любимцы микадо и придворные, получавшие земли «за особые заслуги», прежде всего, выхлопывали, чтобы владения их не подлежали управлению наместников, т.е. обладали «иммунитетом». То же самое в видах поощрения даровалось и тем частным лицам, которые предприниматели за свой счет разработку девственных земель. Этот вид землевладения стал особенно быстро развиваться на окраинах и вообще на государственных территориях, так как он давал возможность частным людям обезопасить себя от произвола наместников. Крестьянские общины стали быстро разлагаться, выделяя из себя более предприимчивых людей, отправлявшихся на сторону искать счастья и приобретать более независимое положения собственников. Буддийские монастыри, конечно, тоже не замедлили приобрести иммунитет для своих земель. Естественным следствием такой иммунитетности всех этих земель явилось приобретение владельцами их некоторых прав государственной власти. По мнению автора, если правительственный чиновник не имел внутри их никакой власти, то эта власть сама собой переходит к собственнику. Постепенно из землевладельца только он превращался в правителя на принадлежащем ему участке. Отрицательная привилегия, данная ему в виде иммунитетности его земли, т.е. неподведомственности правительственным чиновникам, приводила к

¹Богданович Т.А. Очерки из прошлого и настоящего Японии // История Японии. Сборник исторических произведений. М., 2010. С. 92.

положительной, - к приобретению им самим известных прав государственной власти. Землевладения слало соединяться с некоторым государственными правами - момент характерным для феодализма, с точки зрения Т.А. Богдановича.¹

Таким образом, замечает востоковед, в пределах государства выделились снова независимые от него участки, получившие названия «шойонов». Владельцы их называли тойонами. Шойоны старались объединить в своих руках больше земли, давшей им больше власти, и вели между собой борьбу за высшие государственные должности. В конце IX в. из среды этих шойонов особенно возвысился род Фудживара. Один из представителей его достиг такого могущества, что присвоил себе титул «регента» и стал управлять страной от имени совершенства бессильного в то время микадо. Титул «регента» стал после того наследственным в роду Фудживара, и микадо продолжали царствовать лишь номинально.² Таким образом, автор описывает появление системы сегуната.

Как положительный момент появления сегуната Т.А. Богданович указывает, что первое время регентству удалось внести некоторый порядок в дела управления и поддержать внутренний мир. Наступило временное затишье, и в культурных центрах страны стали быстро развиваться разные искусства и литература. Это период – конец IX – X в. – считается веком первого расцвета духовной жизни в Японии. Среди японских ученых того времени особенно прославился Сугавара Мичизане, получивших впоследствии имя Генджина. Мучизане считался первым знатоком китайской литературы, и сам писал исторические сочинения и поэмы на китайском языке. Мичизане был воспитанником наследного принца и, когда тот воцарился, получил звание первого министра. Но Фудживара не могли допустить возвышения человека, не принадлежавшего к их роду. Они

¹ Богданович Т.А. Очерки из прошлого и настоящего Японии // Антология исследований известных путешественников и ученых начала и середины XX в.: С. 92.

² Богданович Т.А. Очерки из прошлого и настоящего Японии // Антология исследований известных путешественников и ученых начала и середины XX в.: С. 92.

добились его изгнания, и он умер в Киу-Сиу. Но не долго продолжался мирное процветание страны под властью Фудживара. Последующие регенты оказались так же мало способны уничтожить самый источник смуты, как и микадо.¹

Т.А. Богданович проследил историю Японии практически до современного ему времени, обращая внимание, прежде всего на развитие ее политических институтов.

Н.И. Конрад так же создал основательную работу о развитии политических институтов в японском государстве, используя несколько иную периодизацию, чем Т.А. Богданович. Последний разделил всю историю страны на два крупных периода: до переворота и после. Н.И. Конрад выделил ряд политических эпох:

1. Эпоха ранней патриархальной монархии (258—645 гг.);
2. Эпоха сословно-аристократической монархии (645—1192 гг.);
3. Эпоха военной империи Минамото;
4. Эпоха второй военной империи Асикага;
5. Эпоха личных диктатур;
6. Эпоха феодальной империи Токугава;
7. Эпоха конституционной монархии.

Историк отмечал, что периодом, предшествующим эпохи личных диктатур, был период сражающихся областей (дзидай сэн коку – все против всех), не только отдельные области враждовали друг с другом, но и внутри многих из них наблюдались смуты и междоусобицы². Эпоха полной децентрализации и политической анархии, когда единой верховной власти фактически уже не было. Положение центрального правительства среди всей этой обстановки было самым ничтожным. С одной стороны, его власть почти нигде больше не имела значения и меньше всего могла содействовать

¹ Богданович Т.А. Очерки из прошлого и настоящего Японии // Антология исследований известных путешественников и ученых начала и середины XX в.: С. 92.

² Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк // История Японии: Сб. исторических произведений / под ред. И.А. Настенко. - М.: «Русская панорама», 2008. - 504 с. – С. 305.

успокоению и порядку. С другой же стороны, и сами сегуны постоянно вмешивались в распри военных домов, призывая то один из них, то другой к себе на помощь в целях усиления собственной власти. В результате они и погибли от руки ими же вызванных сил: страна нуждалась в сильном лидере, который бы объединил все враждующие стороны. И такой лидер появился – вождь самурайских дружин – Ода Нобунага, с правления которого и началась эпоха личных диктатур, затем Тоётоми Хидэёси, который продолжил реформаторскую деятельность Нобунага¹.

Понять все то, что произошло, считает Н.И. Конрад, с наступлением этой эпохи, не трудно, если учесть именно ее переходное значение. За ней оставался период политической анархии и экономического передела в среде воинского сословия, что обуславливалось со своей внутренней стороны тем сдвигом, который давно уже начал обнаруживаться у правящего сословия: она стремилась к такой форме государства, которая давала бы им возможность иметь наиболее независимую политически и экономически позицию, свое небольшое государство, находившееся в ее полном распоряжении, с другой стороны — придавало бы этому порядку, этим владениям окраску законности, дало бы им организационную и юридическую санкцию. Крупные даймё (владельцы князья в феодальной Японии определенно шли к превращению своих владений в феодальные княжества, за ними тянулись и более мелкие, мелкопоместные самураи. В течение предыдущего периода в значительной мере же ясно обозначился этот концентрирующий процесс: целые воинские фамилии предпочитали примыкать к какому-нибудь повышающемуся дому, чтобы усилить его, а с другой стороны, с его же помощью отстаивать свое собственное бытие и благополучие. Гражданские войны часто ставили на карту существование ряда военных фамилий, почему в их интересах было такое объединение на правах, конечно, подчинения, — с более могущественным

¹ Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк // История Японии: Сб. исторических произведений / под ред. И.А. Настенко. - М.: «Русская панорама», 2008. - 504 с. – С. 305.

домом, могущим стать надежной опорой и оплотом для процветания и даже просто для существования. Поэтому мы и видим не только стремящиеся к независимости крупные военные дома, но и естественно группирующиеся вокруг них самурайские массы. И если присоединить ко всему этому еще явления прямого захвата и принудительного подчинения, картина образования будущих феодальных княжеств станет достаточно выразительной¹ Дальнейшее течение процесса становится ясным; стоило одному из этих новых крупных поместных владетелей объединить вокруг себя крупную самурайскую массу, привлекая ее и своим политически-военным могуществом, и своими экономическими преимуществами, — усилиться настолько, что прочие дома не могли в достаточной мере конкурировать с ними, — как такой владетель мог явиться в роли укрепителя нового порядка уже в государственном масштабе. Феодальный сеньор становится феодальным сюзереном и узаконивает весь получившийся порядок созданием системы феодальной империи.

1.2. Законодательство

Ряд исследователей в своих работах уделили внимание японскому законодательству, правовой системе, становлению, значению.

В описании Рюмина попыток своих спутников сойти на берег отражен закон о закрытой Японии. Из текста журнала становится видно, что в случае схода на берега иностранцев, допустивших это японцам грозит смертная казнь. Подтверждающие соответствующим законом обращению японцев с чужестранцами обнаруживается на страницах журнала и далее, когда португальцы в Макао сообщили о сожжении незадолго до визита Беневого двух испанских судов, приблизившихся к берегам Японии.²

¹ Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк // История Японии: Сб. исторических произведений / под ред. И.А. Настенко. - М.: «Русская панорама», 2008. – С. 307.

² Черевкова А.А Воспоминания о Японии.

В письме О.Е. Кобецу автор указывает на влияние китайских и корейских традиций на становление японского законодательства. Так, в 604 г. принц Сётоку-тайси излагает свои законы в виде Конституции 17 статей, где основные принципы правления изложены в духе буддизма и конфуцианства. Здесь зафиксирован принцип высшего суверенитета правителя и строгого подчинения младших старшему. Сетоку постоянно приглашает в Японию китайских и корейских монахов и ремесленников и посылает молодых японцев в Корею и Китай с целью приобщения к новому опыту и знаниям.¹

Важнейшим источником раннесредневекового права является кодекс "Тайхо Еро ре" -- основной источник, характеризующий право Японии VIII -- X вв. Этот Свод законов обобщил и систематизировал законодательные акты о социально-экономических и политических реформах, направленных на ликвидацию первобытнообщинного сепаратизма и создание централизованного государства, на закрепление привилегированного положения новой аристократии. Свод в основных чертах определял социально-политический строй и жизненный уклад японцев на период более чем 500 лет. Этот правовой памятник включает в себя практически несколько разного рода как бы кодексов: гражданский, семейный, земельный и др. "Тайхо Еро Ре" или, как его чаще именуют "Свод законов Тайхо", содержит как гражданские ("Тайхоре"), так и уголовные законы ("Тайхорицу"). "Тайхоре" содержит 30 гражданских законов; "Тайхорицу" -- 10 уголовных законов (например, о разбое и грабеже; об охране дворца).

"За разглашение государственной тайны полагалась каторга. Если сообщенные сведения малоценные и косвенные, виновнику полагалось наказание в 60 палок. Наказание розгами полагалось чиновникам за неявку на службу без уважительной причины (20 розог за каждый день прогула); 50 розог получали те чиновники, которые допустили ошибки в документах и

¹ Коцебу, О.Е. Письмо [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Kotsebu/brief_japan_1805.phtml?id=11755

петициях на имя государя. Строго каралось также пользование запрещенной литературой. К ней были причислены сочинения по астрономии, китайскому военному искусству, придворный семидневный календарь, гадательные книги. Запреты, по всей видимости, были сделаны к выгоде определенного слоя читателей, пользующихся доверием или покровительством государя.

В Конституции Сётоку-тайси 604 года правовые нормы носили характер наставлений, моральных заветов правителей своим чиновникам: "почтительно воспринимать указы", "обязательно соблюдать их", "справедливо оценивать заслуги и провинности" и т.д.

Говоря о других источниках японского феодального права, необходимо отметить, что "высочайший указ" японских императоров по мере усиления власти Сегунов с XII в. уступает место правительственным распоряжениям и правительственным инструкциям бакуфу, получивших название кодексов. Одним из таких правовых источников был "Кодекс годов Кэмму" (1334-1338 гг.), состоящий из 17 статей. В 1509 г. появился свод, состоящий, примерно, из 200 предписаний, инструкций, наставлений судьям; здесь, например, говорится об ответственности за взяточничество, о цели наказания, о справедливости судебных решений, т. е. соответствии их федеральным принципам права и морали. Важным источником права являлся известный "Кодекс ста статей" 1742 г. Можно сказать, что судебный прецедент также был одним из источников феодального японского права.

Следует отметить, что "Свод Тайка" с некоторыми изменениями и дополнениями практически действовал до буржуазной революции -- до начала периода Мэдзи (1867-1868 гг.), о чем свидетельствует "Нихрси дэитэн" (Лексикон по истории Японии), в котором указано: "При правящей династии данные законы были основными до Мэдзи".

Идеи и призывы Конституции Сетоку нашли воплощение в последующем законодательстве, которое, как и легистские идеи в Китае, содействовали преодолению клановой раздробленности и становлению единого централизованного государства.

Происходившее на Востоке на протяжении всего средневековья взаимодействие «варварского» и феодального начал стало в дальнейшем основным фактором консервации общественных отношений.

В. Максимов уделил внимание Закону "Тайхо Ёро рё". По данным автора, в разделе "Об учреждениях и штатах" устанавливает структуру всех государственных учреждений, центральных и местных, а также их штаты. Пространный (из 27 статей) раздел "О буддийских монахах и монахинях" (свидетельствующий о высшем государственном надзоре над буддийскими религиозными организациями, храмами и духовенством) треть своего содержания отводит преступлениям и проступкам клира, за которые назначались как светские, так и церковные наказания (епитимьи). Раздел VIII, особенно ярко свидетельствующий о социально-экономических отношениях в это время, говорит о "дворе", в основном крестьянском, как о хозяйственной, организационной, военно-учетной и, главное, податной (фискальной) единице. Он затрагивает и важные правовые вопросы: о наследстве, о браке и разводе.¹ Раздел "О преемственности и наследовании" содержит нормы о наследовании звания глав знатных домов, от чиновника до императора (правила престолонаследия), а также об условиях законности заключаемых ими браков.

По сведениям М. Ванюкова, немалый круг уголовно-правовых норм включен в разделе XIV "О проверке и аттестации", посвященный организации и деятельности чиновничьего корпуса, в частности говорящий о преступлениях и проступках чиновников, а также об особой системе наказаний за них. Раздел XVII "О воинах и пограничниках" содержит правила об организации вооруженных сил, в том числе и о воинских преступлениях.²

Из содержания свода явствует, что нормы конфуцианской морали оказали бесспорное влияние на его содержание. Об этом свидетельствует не

¹ Максимов В. Наши задачи на дальнем востоке .

² Ванюков М. Состав военных сил в Японии

только приведенное выше содержание ст. 27, но и ряд других норм, в том числе и зафиксированное в нем общее конфуцианское положение, требующее наказания за любой проступок, "который не следовало совершать".¹

Как указывает А.Н. Куропаткин, вместе с кодексами среди источников права этого периода широко было представлено текущее нормотворчество императора в виде указов и постановлений. Первые имели более самостоятельный характер, вторые издавались в развитие административных и уголовных законов, как их практическое осмысление.²

Куропаткин А.Н. описал в своем дневнике об идеологическом значении законодательства для японской армии. Он заметил, что наиболее четкое представление о формировании и способах внедрения идеологии в сознание солдат и офицеров вооруженных сил дают официальные документы 80-90-х годов XIX в., наиболее значимым из которых является так называемое «Императорское указание военным служащим» - «Гундзин тёкую»³. «Указание» было подготовлено создателем и главным идеологом японской армии и флота Ямагата Аритомо (1838-1922) и издано от имени императора 4 января 1882 г. Предварительный проект документа по распоряжению Ямагата был подготовлен Ниси Аманэ (1829-1897) - сотрудником военного министерства и известным «западником». В составлении итогового варианта принимали участие член правительства Иноуэ Коваси (1844-1895) и известный политик, журналист и литератор Фукути Гэнъитиро (1841-1906).

«Гундзин тёкую» считалось «библией» японской императорской армии. Его обязаны были заучивать все солдаты и высший командный состав армии. Хотя формально «Указание» не имело юридической силы, оно было основным законом армии, отступление от которого расценивалось как тяжкое преступление. К сожалению, отмечал А.И. Куропаткин, полного

¹ Нечто о Японцах [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Vestnik_Evropy/1804_c_13_nom_1.phtml?id=11754

² Куропаткин А.Н. Японский дневник

³ Куропаткин А.Н. Японский дневник

перевода документа на русский язык не существовало. Неизвестны и его правильные переводы на европейские языки.¹ Своеобразие «Указания» определяется тем, что оно сочетало в себе две важные идеологические составляющие - усиливающийся культ императора и кодекс поведения средневекового воина-самурая – бусидо.

Использование бусидо в качестве идеологической составляющей позволило создать видимость психологического родства идеи новой армии с идеей новой государственной роли народа, доставшейся ему от самурайского сословия. В сознании японцев военная, а главное - духовная сила самураев перешла не просто на армию и флот, а на весь народ, который и стал источником военной силы страны. Таким образом, именно народ есть основа государства, а армия лишь отражает народную силу. Создание такой концепции великолепно объясняло необходимость всеобщей воинской повинности и в то же время укрепляло моральные качества и боевой дух солдат и офицеров японских вооруженных сил.²

Хотя, в отличие от культа императора, бусидо являлось неким набором разумных общественных правил и норм, оно также притягивало взор мэйдзийских идеологов. Почитание правды, храбрость, презрение малодушия, соблюдение этикета - все эти постулаты стали рассматриваться новой властью как дополняющие и усиливающие культ императора в обществе и оказывающие нравственное влияние на дух народа.³

За счет сочетания культа императора с выраженными в доктрине бусидо традиционными воинскими ценностями японские вооруженные силы получили мощную идеологическую опору, о чем свидетельствуют многочисленные факты героизма и самопожертвования японских солдат и офицеров.

Итак, главная задача «Императорского указания военнослужащим» состояла в укреплении воинской дисциплины путем внедрения идеологии,

¹ Куропаткин А.Н. Японский дневник

² Беломор А. Тсу-Симский Эпизод.

³ Максимов .Наши задачи на дальнем востоке .

базирувавшейся на синтезе культа императора с традиционными самурайскими ценностями. Военная служба определялась категорией верности императору, обладавшему верховной военной властью. В период Токугава существовала строгая социальная иерархия и самураи следовали концепции «служба господину - вознаграждение от него». В условиях новой исторической реальности это также было использовано. «Хозяином» всей армии стал считаться император.

По данным А.Н. Куропаткина, условно «Указание» можно разбить на несколько частей.¹ В первой приводится краткий обзор политической истории Японии, причем основной упор сделан на место в этой истории военного сословия. Главная цель раздела заключается в обосновании права императора Муцухито на верховное командование войсками и в упрочении незыблемости этого права для последующих императоров: «Власть над войсками принадлежит Мне, а непосредственное управление ими доверено вассалам. Высшее командование Я взял на себя, ни в коем случае не доверяя это вассалам. Это следует помнить последующим поколениям. Сын Неба знает свой долг по удержанию в руках верховной гражданской и военной власти, и Я надеюсь, что такого позора, как в средние века, больше не случится». Основной причиной упадка страны в средние века признавалась узурпация политической и военной власти военным сословием в лице *бакуфу*. «Указание» провозглашало восстановление права императоров на верховное командование войсками.

По данным В.С. Соловьева, в первой части речь идет о необходимости установления тесных отношений между императором и военными, что, по мнению составителей документа, должно способствовать процветанию и военному могуществу Японии²: Военный должен соблюдать верность и выполнять долг перед страной. Основной упор здесь делался на то, что «долг

¹ Куропаткин А.Н. Японский дневник

² Соловьев В.С. Указ. соч.

тяжелее горы, а смерть легче лебяжьего пуха»¹. Долг военного перед страной трактовался как главное звено, определявшее процветание либо упадок государства. Здесь же оговаривалось и еще одно важное правило, необходимое для формирования крепких устоев государства, - военные не должны были принимать участия в политике. Один из составителей документа - Фукути Гэнъитиро говорил: «Хотя правительство постоянно спорит, хотя люди в нем постоянно меняются, но это правительство нашего императора, и военный должен соблюдать, а не обсуждать приказы этого правительства». Таким образом, в отношениях японской императорской армии и флота была проведена грань, отделившая вооруженные силы от политической жизни. Поскольку армия в целом стала рассматриваться как принадлежность императора, то отдельному военнослужащему не было нужды беспокоиться о политике и идти на поводу сомнительных суждений. За них эти вопросы решал император.

Интересен факт, что идеи, заложенные в первом пункте, поддерживал Фукудзава Юкити. В книге «Императорский дом» - «Тэйсицурон» в качестве символа верности он выдвигал императорскую династию. Фукудзава писал: «Военный, поклявшийся на верность императору, всецело обязан следовать установленному им политическому курсу».

Как отметил А.Н. Куропаткин, военный должен соблюдать дисциплину и этикет. Данное положение затрагивает отношения между командирами и подчиненными и говорит о неукоснительном выполнении всех приказов старших по званию, требуя относиться к этим приказам как к исходящим прямо от императора. Это положение связано с самурайским принципом: хороший слуга безоговорочно подчиняется своему господину. В то же время от командиров требовались забота о подчиненных и удаление им должного внимания.²

¹ Соловьев В.С. Указ. соч

² Куропаткин А.Н. Японский дневник

Военный должен проявлять храбрость и отвагу. Эта заповедь была одним из основополагающих принципов жизни самурая и была прямо экстраполирована в идеологический фундамент императорской армии. Истинная отвага - выполнение долга, не боясь сильного и не пренебрегая слабым врагом. Но при этом необходимо остерегаться проявления бессмысленной и неразумной храбрости и кичиться яростью по отношению к своему же народу.

Военный должен соблюдать верность долгу. В основу заповеди положен тезис, что самурай является «рыцарем» и получает жалованье от господина и поэтому не должен считать принадлежащими себе ни свою жизнь, ни самого себя. В новой редакции данный пункт стал прямым призывом к пожертвованию собой ради императора. Верность - это единство мыслей и поступков, а долг - выполнение своих обязанностей.

Как отмечал В. Крестовский, военный должен соблюдать простоту и воздержанность. Основной упор на то, что если солдаты полюбят роскошь, то в скором времени впадут в жадность и алчность и вследствие того потеряют храбрость и перестанут блюсти верность долгу. Правильность утверждения невозможно отрицать, а взято оно также из правил поведения самураев: «Существуют две вещи, которые могут ввести слугу в заблуждение: это богатство и слава. Если же слуга постоянно испытывает нужду, он будет безупречен»¹.

По мнению И.И. Федорова, в заключительной, третьей части «Указания» особо подчеркивалось, что все пять моральных обязательств обретают силу лишь тогда, когда в их основе лежит искренность. Указывалось, что все добродетели есть «неизменные моральные принципы человеческих отношений всеобщего закона справедливости».²

Большое влияние играло законодательство в Японии. Как каждый житель своей страны относился к управлению. Можно проследить в работах

¹ Крестовкой В. Воспоминание о стане «Восходящего солнца»...

² Федоров И.И. О путешествии в Японию...

какую важную роль играл культ императора и какие законы существовали в этой стране.

1.3. Взаимоотношения с Россией

В ходе более чем столетнего периода становления русско-японских отношений в России и Японии накапливалась информации друг о друге, поступающая из различных источников, изменявшая и уточнявшая взаимные представления.

Представления о японцах, сложившиеся в России начиная с XVII в., когда были значительно расширены контакты, в том числе культурные, с другими государствами. Первые сведения о Японии начали поступать из Европы (переводы на русский язык трудов по географии), затем к ним была добавлена информация из Китая, доставлявшаяся побывавшими в этой стране посольствами. Основой для накопления данных о Японии стала 70-я глава «Космографии» 1670 г., базировавшаяся на русскоязычном переводе атласов Г. Меркатора. Эти данные, хотя и незначительно искажали образ Японии, в основном давали устаревшую информацию, отстававшую от действительности минимум на 40 лет.¹

С начала XVIII в. в России появляются свидетельства попавших в нее японцев, позволившие уточнять и проверять уже имевшуюся информацию. Сведения, подтверждающие существование торговых связей между Японией и Курильскими островами еще в 1713 г. содержится в письме О.Е. Кобецу. На Курильские острова «приезжают по все годы японцы из Матманского города струтами и привозят к ним платье японское камчатое и китайское, покрой долгой, стеганое на бумаге, котлы медные, чугунные. Сабли оправа

¹ Штейнгауз А.И. Япония и японцы глазами русских (вторая половина XIX в) [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/12/shtejngauz12.shtml>. 20.12.07.

серебряная. Чашки фарфоровые, пшено сорочинское. А берут у них лисицы красивыя, и каланы бобры»¹

Более обширные данные о японской торговле по сравнению с рассказами Санъэмона несет в себе составленное Игнатием Козыревским для В. Беринга «описание Японского государства». Создание этого документа стало возможным благодаря тому, что И. Козыревский общался со всем японцами, входившими в состав спасенной им и его казаками в 1710 г. группы. Соответственно, в «Описании Японского государства» вошло гораздо большее количество информации, нежели сообщено Иваном Яковлевым – Санъэмоном.²

Экспедицией М.П. Шпанберга и В. Вальтона были открыт путь в Японию, пролегающий вдоль Курильских островов, этот архипелаг неизменно привлекал к себе внимание как российского правительства, так и частных лиц. Прежде всего, это было вызвано тем, что Курильские острова были новой территорией Российской империи, нуждающийся в освоении. Было необходимо изучить ресурсы архипелага, а также привести в российской подданство населения наиболее отдаленных от Камчатки островов. Кроме того поскольку было известно о существовании товарообмена между население Курил и японцами, эти острова, а особенно их наиболее приближенная к Японии южная часть, становится удобной местом для завязывание неофициальных торговли с этой страной, что открывало путь для установления в дальнейшем более тесных контактов между государствами.³

С середины XVIII в., когда был открыт путь в Японию через Курильские острова, появляются свидетельства очевидцев из числа россиян, содержащие

¹ Коцебу, О.Е. Письмо [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Kotsebu/brief_japan_1805.phtml?id=11755

² Цит. по : Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Японского государства» // Проблемы Дальнего Востока .1975.№ 2. С.139-141.

³ Куланов А.Е. Налетели ветры злые, да с восточной стороны... // Родина, 2005, №10. С. 76-78; Куланов А.Е. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.japon.ru/?TextArchive&ID=73>.

в целом достоверные, но преломленные через сознание русского человека данные об этой стране. Длительное время (до конца XVIII в.) они собирались в результате наблюдений, поскольку отсутствовала возможность вербального контакта между представителями двух стран. К середине XVII в. фактически были включены состав России лишь ближние к Камчатке острова. Так, в 1749г. казак Шергин открыл на острове Шумшу школу, в которой русской грамоте обучались дети курильцев.¹ В 1775 г. Николай Сторожев способствовал развитию сельского хозяйства на островах Шумшу и Парамушир, завезя туда семена овощей и несколько голов рогатого скота. Однако, и это отмечено в документах, более южные острова хотя и были известны и нанесены на карту, до 60-х гг. XVII в. представителями России они были малопосещаемыми. Примерно с 50-х годов XVII в. начинается освоение Курильских островов русскими купцами с целью промышленных людей.²

Участники второй камчатской экспедиции собрали большое количество данных о Японии различного происхождения: рассказы японцев, переводы китайских книг и, что самое главное, впервые получены описания Японии, выполненные побывавшими у берегов этой страны россиянами. Полученные сведения существенно дополняли те данные о Японии, которые уже имелись в России, в основном не опровергая их, а даже наоборот, уточняя. Так, значительно были расшифрованы сведения о положении торгующих с Японией голландцев, было выяснено, что земля Иессо и Матмай- называется одного и того же острова. Очевидцами были подтверждены те сведения о японском сельском хозяйстве, которые сообщались попадавшими в Россию японцами. Точно также данные о слабом развитии морского флота островного государства теперь подкреплялись описаниями судов японцев, выполненных русскими моряками. Впервые были сделаны описания

¹ Записки Канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беньовским //Северный архив. 1822№ 5,6.

² Ю.Б. Образ и реальность: Япония и Россия глазами друг друга // Неприкосновенный запас, 2003, № 3 (29) [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/kulan.html>.

внешнего вида японцев и японок, селений. Впервые были получены описания некоторых участков побережья главного Японского острова Хонсю и некоторых других островов, посещение которых было запрещено европейцами, что позволило несколько уточнить положение Японских островов на географических картах. Накапливалась в России информация позволила создать исследования, посвященные Японии.¹

Новым сибирским губернатором Ф.И. Соимонов оценивал стремление купцов начать освоение Курил, которые ему было известно из рассказов самих японцев, вплоть до острова Хоккайдо никому не принадлежат. В поданной им в 1759 г. в правительство особой докладной записки, которая называлась «О позволении купцами, собственным их иждивением, открывать Курильские острова» Саймонов выразил уверенность, что установления власти России на южных Курильских островах позволит русским начать торг с японцами на соседнем Матмае, где местные жители уже ласково принимали русских мореходов, особенно Вальтона. Здесь же он отмечал, что Охотский порт недостаточно обеспечивал судами и служид для регулярных плаваний на Курильские острова и к берегам Японии.²

Экспедиция Никиты Чиканина в 1766 г. на остров Уруп основалась здесь первое российское зимовье, но пути глава экипажа умер и продолжать ее пришлось И.Черному. Не смотря на все неудачи, постигшие эту экспедицию, она имеет большое значение как для истории и освоение Курильских островов русскими, так и для зарождавшиеся русско-японских отношений.

Иван Антипин и его товарищами была составлена новая подробная карта Курильских островов. В своей работе « Первооткрыватели Курильских островов» Б.П. Полевой приводит мнения об этом документе знаток Курильских островов геолога Ю.С. Желубовского, который « рассматривая эту карту, поражался точности многих ее деталей и даже высказал

¹ Добровольский А. Сорок семь могил.

² Полевой Б.П. Первооткрыватель Курильских островов. Южно-Сахалинск .1982. С 98.

предположения, что по этой карте можно было бы получить некоторые представления о том, как два века назад выглядели некоторые из островов Курильской гряды».¹

Эта же экспедиция продемонстрировала достижения в изучении японского языка в России, впервые проводились переговоры между русскими и японцами (И. Антипин и И. Очередин являлись выпускниками иркутской школы японского языка). Приобретенных в ходе этих контактов между двумя народами опыт был учтен при подготовке официального посольства в Японию.

Первоначально, по уже установленным традициям, Японцами согласно указанию иркутского и колыванского губернатора И.В. Якоби было назначено казенное содержание, и наиболее грамотные из них были определены учителями японского языка. Однако часть прибывших в Иркутск японцев такой вариант не устраивал. Глава группы - Дайкокуя Кодаю, настойчиво стремился вернуться на родину, и впервые в России такое стремления японца нашло поддержку и отклик. Э.Г. Лаксман в 1789 г. вместе с Т.О. Ходкевичем написал первое прошение о возвращении японцев на родину, в ответ на который руководство России предложило японцам стать чиновниками. Кодаю и Э.Г. Лаксман решил не сдаваться и отправили в столицу второе прошение, ответ на который пришел 3 февраля 1790 года, в котором говорилось, «что если у Кодаю нет желание стать чиновником, то он может сделаться купцом. В этом случае ему будет дан необходим капитал, он будет освобожден от налогов и для него будет построены дом».² Но Кодаю продолжал упорствовать в своем желании, и уже через 4 дня в столицу ушло третье прошение, где в вежливой форме отклонялись сделанные предложения и величайшим благодеянием по отношению к японцам называлось возвращение их на родину.

¹ Указ. соч. С.127.

² Штейнгауз А.И. Япония и японцы глазами русских (вторая половина XIX в) [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/12/shtejngauz12.shtml>. 20.12.07.

Первоначально подтверждавшие и немного дополнявшие имеющиеся сведения, русские путешественники в конце XVIII - начале XIX в. значительно расширили ограниченные знания о Японии не только в России, но и во всем мире. Прежде всего, это относится к составленным россиянами картам и опубликованным на многих европейских языках «Запискам флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах». Такой «прорыв» в сборе данных о Японии стал возможным благодаря деятельности двух посольств (1792 -1793 гг. и 1804 -1805 гг.), более года проживавших на территории Японии, и пребыванию в японском плену группы из семи российских моряков (1811 -1813 гг.). За период с 1792 по 1813 гг. была собрана и опубликована богатая информация о малоизвестных европейцам территориях Японии (о. Хоккайдо), повседневной жизни населения страны (как японцев, так и айнов), некоторых обычаях и особенностях экономики.¹

На основании полученной информации в России сложились представления о личных качествах японцев (трудолюбие, прилежание, дотошность и др.), многие из которых с течением времени не претерпели изменений. В рассматриваемый период в России были заложены основы для формирования представлений о Японии в целом, большая часть из которых существует до сих пор, оказывая свое влияние на наше отношение к этой стране и ее населению. Возник образ Японии - слабого военного противника, претерпевший со временем значительную трансформацию. В отличие от него образы Японии - выгодного торгового партнера на Дальнем Востоке и претендента на земли, входящие в состав Российского государства, остались неизменными.²

На формирование японских представлений о России большое влияние оказало то, что знакомство с нашей страной было вызвано слухами об угрозе

¹ Громковская Л.Л. Из истории культурных взаимосвязей Японии и Европы // Народы Азии и Африки, 1969, № 2. С.88

² ² Громковская Л.Л. Из истории культурных взаимосвязей Японии и Европы // Народы Азии и Африки, 1969, № 2. С.86

с севера, которые распространяли голландцы. При этом самые значительные японские работы о России, созданные в конце XVIII - начале XIX в., опираются, в первую очередь, на свидетельства японцев и лишь затем на источники голландского и китайского происхождения.

В отличие от России Япония познакомилась со своим соседом почти на сто лет позднее. Самое раннее упоминание о России содержится в работе 1695 года «Пояснение к торговле с Китаем и Эдзо» ученого-голландоведа Нисикава Дзёкэн. На протяжении почти столетия для японцев практически единственным источником информации о соседнем государстве оставались представители голландской фактории в Нагасаки. Лишь с возвращением на родину в 1792 году трех японцев стало возможным проверить достоверность поступавшей информации и получить новые, несомненно, более точные сведения. На основании данных, полученных в результате вернувшихся на родину японцев, японскими учеными в конце XVIII - начале XIX в. был составлен ряд работ, обобщивших всю имевшуюся на тот момент информацию о России.¹

Для Японии более характерны представления о России в целом, нежели об отдельных чертах, присущих ее населению. Сразу после знакомства с нашим государством под влиянием ряда факторов («предостережение» Беневского, стремление голландцев защитить свои экономические позиции в Японии) начинает формироваться образ России - врага, укрепившийся после событий 1806 -1807 гг. Как и в России, в Японии в этот период формируются стереотипы восприятия соседа-претендента на японские «северные территории» и соседа-торгового партнера, оставшиеся неизменными, как и образ России-учителя.

Хвостов в своей работе пишет о экспедиции на Сахалин и Курильские острова. Идея экспедиции на Сахалин просматривается уже в документах 1803 г., относящихся к подготовке первой официальной миссии в Японию во

¹ Цит. по: Жуков А.Е. Японское зеркало: факторы формирования представлений о Японии в странах Запада и России

главе с Н. П. Резановым. Однако тогда она носила мирный и разведывательный характер, а ее главной целью являлось выяснение принадлежности этого острова и способа «открытия там торга». После того как миссия в Японию для установления торговых отношений закончилась неудачей Н. П. Резанов, выполняя предписания министра коммерции Российской империи Николая Петровича Румянцева (1754–1826), отправился на «Надежде» к Сахалину. Там он утвердился в неверности японских карт, на которых между Сахалином и северной частью острова Хоккайдо был изображен еще один остров – Карафуто. В своем отчете к императору он пишет следующее: «Спрашивал я Японцов, далече ли Карафуто простирается, ибо должен тут быть Российский остров Сахалин. Они отвечали, что Северной части Карафуто они не знают и туда не ездят, что там пролив весьма мелкой, а за ним лежит остров Сандан или Сахалин, которой принадлежит не России, а Манжурам. Отобрав сии сведения, поспешили мы вытти и нашли, что это остров Сахалин».¹

Выяснив неосведомленность японцев в географическом расположении Сахалина и став свидетелем плачевного положения айну, которых по словам Резанова «японцы подчинили... своему рабству», он обращает внимание императора Александра I (1777–1825) на то, что «губа Анива требует весьма скорого заселения».²

В конце мая 1805 г. Н. П. Резанов на «Надежде» прибывает в Петропавловский порт. Там происходит его первая встреча с Хвостовым и Давыдовым, которые по поручению Российско-Американской компании (РАК) готовились доставить в Америку продовольствие. Он решает отправиться вместе с офицерами. Перед отплытием, 9 июня 1805 г., Н. П. Резанов отсылает императору отчет, в котором в очередной раз объясняет

¹ Хвостов Н.А Анализ инструкции Розанова – Хвостов и Давыдова. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18001820/Chvostov/text1.phtml?id=11756>

² Хвостов Н.А Анализ инструкции Розанова – Хвостов и Давыдова. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18001820/Chvostov/text1.phtml?id=11756>

необходимость скорейшего занятия острова Сахалин чтобы этого не сделали другие европейские державы, но тут же отмечает, что «обширный план сей требует времени, а я не имею его спеша теперь к исполнению высочайшей воли вашей на Кадьяк, где буду ожидать подтвержденных повелений».¹

14 июня 1805 г. Н. П. Резанов вместе с Хвостовым и Давыдовым на судне «Мария» отправился из Петропавловского порта в Америку. Именно тогда началась детальная разработка плана экспедиции. 26 августа 1805 г. они прибыли на Ситку, откуда на следующий день, 27 августа, Н. П. Резанов сообщил Александру Андреевичу Баранову (1746–1819) о своем решении отправиться в экспедицию и о необходимости в двух «по военному образу вооруженных» судах. 29 августа 1805 г., так и не получив сведений из столицы, Н. П. Резанов пишет свое первое обращение к лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову: «Пользуясь столь щастливою встречею нескольких умов к единой цели стремящихся решился я на будущей год произвести Экспедицию, которая может быть проложит путь новой торговле, даст необходимые силы краю сему и отвратить его недостатки».²

Он предписывает морским офицерам участвовать в строительстве двух военных судов: брига и тендера, и просит их «как друзей ..., готовых жертвовать собою на пользу общую..., быть готовыми к принятию начальства над судами предполагаемыми, разделя их по старшинству». Резанов не распространяется по поводу плана экспедиции, отмечая лишь, что «в свое время получите от меня полное наставление» и что планирует закончить строительство судов к апрелю, а в мае уже встать под паруса и отправиться в путь. Очевидно, что четкого плана на данном этапе у него еще не было.

¹ Хвостов Н.А Анализ инструкции Розанова – Хвостов и Давыдова. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18001820/Chvostov/text1.phtml?id=11756>

² Беломор А. Тсу-Симский Эпизод [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1860-1880/Belomor_A/text1.phtml?id=11772
10.01.16.

Напряженность в отношениях между странами возникла из-за территориальных претензий на южные Курильские острова. Целями экспедиций 1806 — 1807 гг. были силовое возвращение России «незаконно захваченных» японцами территорий и установление посредством этого равноправной торговли между двумя странами. Однако недостаточное внимание России к Курильским островам после 1807 г. позволило Японии укрепиться в этом регионе и освоить о. Итуруп Кунашир и Шикотан.

В начале XIX в. у России и Японии дважды возникала возможность провести территориальное разграничение, но из-за того, что основное внимание русского правительства было сосредоточено на ситуации в Европе, она так и не была использована. Упустив шансы на решение проблем в русско-японских отношениях, Кабинет министров России в 1816 г. принял решение о прекращении на некоторое время попыток установить дипломатические и торговые отношения с Японией.

Н.В. Буссе рассказывает об отношениях Японии и России: «С японцами мы теперь все более и более сближаемся». Он отмечает, что японское население совершенно убедились в том, что русские не хотят отнимать у них их промышленности на Сахалине и что присутствие русских только имеет влияние на их отношения к аинам. Если бы правительство их не вмешалось в действия японцев на Сахалине, то вероятно они скоро сдружились бы с русскими и оставили в покое аинов, производя работы только своими работниками с Мацмая. Конечно, им было бы жаль потерять свое господство над землею и жителями, но выгоды торговли с русскими вознаградили бы позже эту потерю.

Н.В. Буссе полагал, что если бы русские пришли в качестве рыболовов на Сахалин, объявив японцам, что, имея нужду в рыбе и считая Сахалин не принадлежащим Японии, они будут заниматься рыбными промыслами так же, как японцы, то это не так испугало бы их правительство. Но занятие военной страны, угрожая их другим колониям на Итурупе и Кунамаре, уже должно быть для Японии слишком важным происшествием, чтобы

правительство ее не приняло серьезно участия в нем¹. В данном документе подробно описываются контакты русских солдат с японцами на Сахалине и подчиненное положение местного населения – айнов.

Муравьев-Амурский пишет о взаимоотношениях между Россией и Японией. После установления регулярных отношений между Россией и Японией (Симодский трактат 1855 г., дополнительный трактат 1857 г. и открытие российского консульства в Хакодате в 1858 г.) правительства обеих стран продолжали в течение некоторого времени обсуждать неурегулированные вопросы. Один такой вопрос — о русско-японской границе — обсуждался 20 лет, до 1875 г. В течение этого времени русские посольства не один раз прибывали в Японию.²

5-17 августа 1859 г. для переговоров о проведении государственной границы по проливу Лаперуза в Японию прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский. Однако все его старания не достигли цели (в значительной степени из-за противодействия европейских держав и сложности международной обстановки после Крымской войны), и он должен был возвратиться на родину ни с чем.

Это был один из многих эпизодов в трудной истории нормализации русско-японских отношений, сам по себе, известный в деталях и лишенный сенсационных подробностей. Однако он сопровождался событием, встревожившим правительственные круги не только России и Японии, но и других держав. Суть этого события заключалась в следующем.³

Эскадра из девяти военных кораблей, доставившая посольство Н.Н. Муравьева-Амурского в Японию, бросила якорь в Эдоском заливе, возле устья р. Синагава. Посольство выехало в Эдо, а эскадра вместе с кораблями

¹ Буссен Н.В. Русские и японцы на Сахалине

² Жуков А.Е. Японское зеркало: факторы формирования представлений о Японии в странах Запада и России [Электронный ресурс]: Адрес доступа:http://www.comitet21.ru/analyth_10.htm. 10.03.08.

³ Хвостов Н.А. Анализ инструкции Розанова –Хвостов и Давыдова. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18001820/Chvostov/text1.phtml?id=11756>

других стран и в непосредственной близости к западным дипломатическим представительствам продолжала оставаться на старом месте. Снабжение людей провизией осуществлялось специально назначавшимися группами моряков, регулярно выходившими на берег., 13/25 августа того же года в наряд за провизией были назначены мичман Роман Самойлович Мофет, матрос Иван Соколов (оба с корвета «Гридень») и мещанин Александр Корольков, бывший в услужении командира эскадры, капитана I ранга Попова. Эта группа, сопровождаемая мичманом Авиновым, направилась в Иокогаму. Авинов должен был ожидать возвращения группы в условленном месте. В восьмом часу вечера, когда трое русских моряков, произведя закупки, возвращались в порт, на одной из боковых улочек города на них было совершено неожиданное нападение. Соколов был зарублен насмерть, Мофет смертельно ранен (через 2 часа он скончался), а Корольков (он шел впереди всех), предупрежденный криком Мофета, на которого напали раньше, получил рану в руку, но успел укрыться в ближайшей лавочке. Преступники тут же скрылись, прихватив с собой ящик с серебром, принадлежавший их жертвам.¹

Вскоре на место происшествия прибыли случайно оказавшиеся поблизости американские моряки и мичман Авинов. Авинов поднял на ноги японские власти, известил через них командование эскадры о нападении и вызвал врача к раненому.

Далее в дело вступили дипломатические представители — британский консул и назначенные для ведения следствия Н. Н. Муравьевым-Амурским флигель-адъютанты — капитаны I ранга Попов и Унковский.

Этот инцидент вызвал в Европе определенную реакцию, обнаружившую две различные точки зрения. Первая отражена в лондонской «Таймс», в номере от 17 ноября 1859 г., вторая — в русском журнале «Морской сборник», опубликовавшем рапорты и донесения участников расследования.

¹ Громковская Л.Л. Из истории культурных взаимосвязей Японии и Европы // Народы Азии и Африки, 1969, № 2. С.88.

Расхождения были как в характере информации об инциденте, так и в оценке поведения японских властей в связи с ним, а отсюда и в выводах относительно дальнейшей политики западных держав в Японии.

В материалах, опубликованных в «Таймс», в частности, были сгущены краски и без того мрачной картины преступления: «Офицер и матрос были почти изрублены в куски, буфетчик (А. Корольков. — В. Г.), хотя, к сожалению, смертельно ранен, еще жив, успев после первой раны убежать в одну лавку».

Весьма пессимистично расценивала «Таймс» и отношение японских властей к необходимости розыска и наказания преступников: «Но губернатор, — писала газета, — когда пришел к нему, в 4 часа утра, британский консул Вайзе (Vyse), — услышав о случившемся, отозвался обо всем деле с грубым легкомыслием (таковыми, по крайней мере, показались его слова), и потому мало надежды, что будет что-либо предпринято, если граф Муравьев не станет устрашать правительство за последствия».¹

В период русско-японской войны этому событию было посвящено множество газетных и журнальных публикаций в России.

Можно проследить в работах, что важную роль играли взаимоотношения между странами. И увидеть можно как они строились на протяжении многих времен.

¹ Громковская Л.Л. Из истории культурных взаимосвязей Японии и Европы // Народы Азии и Африки, 1969, № 2. С.88.

Глава II. Культурные институты Японии

2.1. Быт и нравы японцев

Быту и нравам японцев уделяют внимания многие российские исследователи конца XVIII – начала XX в., обращая внимание прежде всего на те аспекты, которые им казались особенными и важными.

Так Н.В. Буссе отметил «странное обыкновение» японцев ходить в гости со своим чаем. Посещавшие русский форпост на Сахалине японские командиры шли в сопровождении людей несших ящик с чайником и чашками и готовившими чай¹.

«Описание Японского государства» внесло изменения в представлении об отношении японцев к воинскому делу. Козыревский, основываясь на общении с японцами, писал: «А к воинскому делу зело не искусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда глаза руками закроют и падут на землю, також и про своих людей сказывали, а именно про нифонцов».²

Описание всего увиденного в Японии содержится в вахтенных журналах, веденных на борту кораблей, совершавших к берегам этой страны, рапортах участников экспедиции В.Й. Берингу. Поскольку мореплаватели не имели возможности вести переговоры с японцами, то вся эта информация является результатом наблюдений, проводившихся русскими моряками в Японии. В данных источниках впервые дают описания японских поселений: «На тех японской земли берега усмотрели мы жилые место – четыре великая деревни, строение у них в тех местах каменное, а круг всего того жилья усеяно хлебом со удовольствием, под тем хлебом пашни видели по жеребьям так, как в российских местах, десятинами или четвертями разделено»³.

¹ Буссен Н.В. Русские и японцы на Сахалине

² Цит. по: Черевко К. Е. Указ.соч.С.141.

³ Цит. по: Черевко К. Е. Указ.соч.С.145.

В ходе имевшего место обмена различными вещами было получены сведения о занятиях японцев: рыболовство, выращивание табака и риса, огородничество, скотоводство, ткачество, гончарное ремесло.

«Журнал Ивана Рюмина» несет в себе заметки и наблюдения, сделанные его автором во времени плавания. На страницах журнала приводятся интересные замечания о повседневной жизни Японии. Благодаря Рюмину в России впервые было получено описание внешнего вида японских священников и женщин. Обративший, как, наверное, любой мужчина, внимания на женщин Рюмин заметил, что среди них «есть весьма хорошего виду». Автор «Журнала» описывает некоторые детали японского женского костюма и необычной точки зрения европейской прически, сделанные наподобие «павлиньего хвоста», державшиеся, по мнению наблюдателя, на булавках или проволоке. Платье японских женщин мели «такое, как китайские женщины, а у всякой в руках зонтик, чтоб они от солнца не загорали, и для того имеют лица белые, волосы и глаза черные».¹ До посещения П.И. Рикордом в 1812 г. острова Хоккайдо, это единственное в отечественных источниках описание японок.

При взгляде на священников первое, что бросилось в глаза россиянину - «у монахов на поясах привязаны деревянные черные, также и костяные белые вырезанные болванчики или идола [нэцке]; оные все люди хотят по тамошнему жаркому воздуху босыми ногами, платье имеют легкое шелковое и бумажное, называется азямы или халаты широкорукавые разных цветов, а у ламов белое, у манахов черное с белым».²

И. Рюмин на основе наблюдения описывает внешний вид обычного японца, мужские прически, маски, соломенные шляпы и т.п. Но и здесь автор «Журнала» удалось отметить нечто, не зафиксированное

¹ Молодяков В.Э. Восток Ксеркса (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого). С. 61.

² Алексеев П.С. Путевые заметки о Японии

предшественниками: наличие на поясах коробок лаковых «с ароматами», и трубочек «с табаком, которыми всегда курят табак».¹

А.Н. Корнилов в 1859 году отмечал, что представители России, приютившиеся в далекой Японии, несмотря на бедность средств, старались провести зиму весело, старались забыть, что она заброшена на крайний Восток. А.Н. Корнилов подчеркивал разницу в образе жизни местного населения: японцы «не умеют ни танцевать, ни слушать музыку, не умеют даже есть порядочно... японок нельзя же назвать дамами».²

А.Н. Корнилов писал, что в Японии существует уличная и лавочная жизнь, хотя и далеко не столь оживленная, как в Китае. Лавок много; все они открыты с улицы и разнообразием предметов продажи напоминают лавки маленьких уездных городков России, в которых зачастую, рядом с куском мыла, можно было увидеть связку баранок и, пожалуй, штуку сукна. Автор указывает на особое положение иностранцев: «В лавке вам все продадут, но денег ни за что взять не посмеют, а отведут вас в нарочно устроенную до 15 июля для иностранцев контору, где кредит для нас, разумеется, не ограничен. Это отчасти и хорошо, потому что к золоту нашему Японцы не питают никакого почтения, а серебро так быстро уплывает на Востоке из рук Европейца, что его не напасешься»³.

Исследователь обратил внимание на особенности денежного обращения в Японии: «Разменять деньги на японские серебряные, четырехугольные монеты, за недостатком их, нелегко, а в конторе, где чиновникам и переводчикам за комиссию идет довольно большой процент, берут не только доллары, но и русское серебро. Но, кажется, чиновникам просто нравятся эти проценты за комиссию; по крайней мере, разменяв как-нибудь наши деньги

¹ Гошкевич И.А. Инструкция первому российскому консулу в Японии. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18401860/Goskevic_I_A/text1.phtml?id=12838 11.11.15.

² Корнилов А. Из Японии // Русский вестник, июль. 1859. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Kornilov_A/text1.htm

³ Там же.

на ицибу, мы не встречали затруднений в лавках. А может быть, правительство хитрым образом хочет узнать настоящую цену товарам: мы заметили, что чиновники быстро набавляют цену на те вещи, которые скорее раскупаются иностранцами. Менять же деньги на японское золото или связки железных кошей, очень похожих на китайские чохи, не удобно: первое очень редко, а для вторых нужно иметь с собою подводу».¹

А.Н. Корнилов обратил внимание на следующую особенность: «На улице иногда можно натолкнуться на очень оригинальную сцену: на перекрестке, перед маленьким столом, сидит на скамеечке Японец, окруженный толпою детей. Это пряник. В бесчисленных ящичках его столика лежит густое, глянцеовитое и чрезвычайно тягучее тесто, растертые краски и несколько необходимым для него инструментов, щипчиков, ножниц. Готового товара у него нет, а работает он тотчас же по заказу детей; один требует петуха, другой собаку, третий мышь, и т. д. Он схватывает пустую тростинку, насаживает на один конец ее кусок теста, вздувает его, щипчиками и ножницами выделяет голову, крылья, ноги, потом в приличных местах подкрашивает свое произведение, — и через минуту покупатель удовлетворен. Работает он с удивительною быстротой, и все время болтает с детьми, импровизируя вероятно при каждом новом заказе приличный рассказ. По выражению детских лиц и звучному смеху, можно заключить, что он острит и потешает своих покупателей. Внимание иностранцев подстрекает его самолюбие: он еще живее начинает работать и болтать, дети еще громче смеются, и заказы увеличиваются. Вам сделается завидно... захочется также купить у него пряник, послушать его болтовню и весело посмеяться с окружающим вас юным поколением».²

Так же А.Н. Корнилов уделил внимание «выставке невест»: «Иногда вечером вы натолкнетесь на освещенный дом. Ширмы на передней стены

¹ Корнилов А. Из Японии // Русский вестник, июль. 1859. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Kornilov_A/text1.htm.

² Там же.

заменены деревянной решеткой, за которою вы увидите перед жаровнями трех или четырех японских красавиц, разряженных в пух и в прах и сидящих неподвижно на корточках. Это выставка невест. Костюм их живописен и богат, но сильно набеленные и нарумяненные лица, широкие носы и слишком выпуклые щеки заставят вас скоро со вздохом отвернуться от этого живого товара. Японцы, кажется, привыкли к этим выставкам, и редко у решетки вы найдете толпу, но если вы сами остановились, то можете быть уверены, что десятки зевак окружают вас с фонарями, и будут смотреть не на женщин, а на то, как вы смотрите. Надоела вам эта ласковая, но иногда фамильярная толпа, вы можете крикнуть, и она быстро разбежится от вас в разные стороны, постукивая деревянными скамеечками, которые они надевают на улице на ноги вместо калош».¹

С.О. Макаров положительно охарактеризовал нрав японцев, подчеркнув их вежливость и внимательность: «Все бывшие в Японии хорошо знают симпатичный нрав японского народа, замечательное добродушие японцев и их по разительную обходительность. Ни в одной стране вы не встретите столько внимания к посторонним людям и обычаям, как в Японии. Всякий народ имеет свои предрассудки и к чужим нравам относится несколько враждебно; но японцы как будто созданы иначе и даже в то время, когда правительство строго воспрещало принимать что-нибудь иностранное, японский народ с большим добродушием относился ко всему тому, что ему было совершенно чуждо».²

Алексеев П.С. упоминает о быте и нравах, которые существовали в Японском государстве в конце XIX в. В частности описание железнодорожного вокзала дает представление о разнице в быте сословий: «В Кобе железнодорожный вокзал построен по-европейски; служащие на нем одеты и обуты по нашему; но кроме этого ничто не напоминает Европу в этом вокзале. В помещении третьего класса, как и в японских домах, нет

¹ Жукова Л.В. Указ.соч. С. 271.

² Макаров С.О. Православие в Японии. СПб. 1889 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Makarov_S_O/prav_japan.phtml?id=11779

мебели: там стоя или сидя на полу ожидают отхода поездов, там пол топчут соломенными сандалиями или стучат об асфальт деревянными подошвами; для второго и первого класса отведено одно общее помещение в котором по стенам стоят обитые клеенкою и шерстяною материей лавки; надписи указывают где место пассажирам второго, где место пассажирам первого класса, и разница в обивке мебели соответствует этому разделению»¹.

По мнению путешественника, покроей одежда японцев был унифицированный и не отражал социального расслоения японского общества: «Публика при нашем отъезде из Кобе, как и везде в Японии, была одноцветная и однообразная по составу: по платью нельзя было нам отличить пассажиров разных классов; не было того что у нас может встретиться: дубленый полушубок рядом с бархатным бурнусом, национальный костюм рядом с мундиром»². Так автор обращает внимание на отсутствие, по его мнению существенной разницы во внешнем виде хозяйки и служанки, социальная разница отсутствовала и в их общении: «Ехали с нами и две Японки; покроей платья у них был совершенно одинаков, но материя, цвет и доброта ее различны; уборка головы у обеих была одна и та же, а тем не менее сразу видно было что то была госпожа со служанкой. Тонкие аристократические черты лица первой и грубая физиономия последней, изящные, тонкие руки у первой и неуклюжая фигура второй указывали на различие в социальном положении их. Госпожа обращалась со служанкой как с равной себе; обе они сидели рядом, курили поочередно одну и ту же трубочку и лепетали что-то между собою очень дружелюбно всю дорогу. При приближении к Осаке служанка сняла с госпожи своей верхнее платье и свернула его в крошечный узелок»³. Разницу в социальном положении выдавали качество тканей ее обладателя: «Можно было убедиться при этом в мягкости, тонкости и доброте японских материй:

¹ Алексеев «Путевые заметки по Японии» http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Alexeev_P_S/text1.htm

² Там же.

³ Алексеев «Путевые заметки по Японии» http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Alexeev_P_S/text1.htm

киримоно (японская одежда в роде халата), широкое, полное, на которое пошло много аршин шелка, свернуто было в четырехугольный пакетик величиною в фунт чаю»¹.

Обратил внимание путешественник на любовь японок к косметике и различным средствам женского туалета: «Подъезжая к городу японка стала прихорашиваться: она вынула зеркальце из складок своего широкого пояса; затем оттуда же и из рукавов кимоно щетку, кисть и пудреницу. Кистью она смахивала лишние белила с шеи и лица, щеточкою расправляла и наложила брови; она насурьмила себе среднюю часть нижней губы, бумажкой отерла руки и другую, поглубже, бумажкой навела себе глянец на ногти. Все это совершалось но спеша и не стесняясь присутствием пассажиров, без кокетства и жеманства. Одетая в светло серое кимоно, повязанная чудным оби (поясом) черного цвета с широчайшею складкой на спине, эта красавица мелкими шагами, еле выдвигая ноги, перегнутая всем корпусом вперед мило (но не грациозно) затопотала своими деревяшками по платформе в Осаке и потерялась в толпе подобных же ей фантастически причесанных и завернутых в шелк Японок».²

Как отличительную черту внешнего вида японцев П.С. Алексеев отметил непокрытую голову при любой погоде и молчаливость: «Всего удивительнее для нас было то, что все толпившиеся около нас сотни пассажиров были с непокрытыми головами; держать голову обнаженною характеризует Японцев и отличает их не только от европейцев, но и от соседей их, Китайцев, и всех вообще азиятов. Сгорбленные, миниатюрные, чумазные фигуры толпились при выходе на платформу; давки, однако, не было и не смотря на то что все молчали под сводами дебаркадера стоял страшный шум, трескотня от ударов деревянных сандалий об асфальт платформы: это была безмолвная, но шумная толпа».³

¹ Там же.

² Там же.

³ Алексеев «Путевые заметки по Японии» http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Alexeev_P_S/text1.htm

По замечаниям П.С. Алексеева, можно сделать вывод, что автор обращает внимание на проникновение европейских традиций в японский быт и их столкновении с традиционными привычками японцев: «Вагоны между Кобе и Осакой маленькие, низкие, светлые; сиденья в них расположены вдоль. На стенах вывешены правила благопристойности и объявления о штрафах за нарушение порядка; надписи на английском и японском языках. В первом пункте правил сказано что в вагоне не следует сидеть поджавши ноги под себя, а что следует спускать ноги на пол и занимать сиденье в вагоне только известною частью тела; напоминает что плевать следует только в плевальницы и вытряхивать трубки дозволяется не иначе как туда же; далее в правилах говорится о сохранении инвентаря, о размерах штрафов за порчу и поломку чего-либо в вагонах — то же что в Европе и Америке. С нами ехало несколько Японцев в европейском платье; они подстлали под себя пледы и на таком, так сказать, собственном, а не железнодорожном сидении сперва поджимали под себя одну ногу, а позднее сидели вполне по-японски».¹

Япония удивительная страна и можно убедиться самим прочитав работы мореплавателей, что быть в этой стране отличался от многих других западных стран. Что люди привыкли к своим природным условиям.

2.2. Религия и мифология

Российские исследователи уделили много внимания, как традиционным японским верованиям, так и распространению христианства, особенно православия в Японии.

В заметках А.Н. Корнилова уделено место православию в Японии: «Теперь разумеется времена переменились: завеса, так долго скрывавшая Японию от глаз всего образованного мира, снята, и нам досталось на долю первым снова водрузить в Японии крест Господень. При консульстве нашем

¹ Там же.

есть священник, и к великому посту выстроена временная маленькая церковь, в которой будут говеть экипажи наших судов. Дамы заняты были шитьем церковных одежд, а трое из офицеров написали на картоне масляными красками образа. Образ Спасителя взят с Тициановской картины La Moneta, а Божией Матери — с дрезденской Мадонны Рафаэля. Нашлось между нами несколько порядочных голосов, и уже составлен довольно многочисленный хор певчих. На днях церковь была освящена во имя Воскресения Христова. Во время службы у дверей толпится всегда любопытная кучка Японцев; между ними иногда можно видеть бонзу, с прискорбием и недоверчиво смотрящего на первые признаки нового водворения христианства в Японии. Недавно в церкви был португальской матрос, с пришедшего сюда недавно китобойного корабля, говоривший, что осьмнадцать лет не имел случая быть в христианском храме. Странная случайность... Португальцы первые занесли веру Христову в Японию, и первый иностранец, вошедший через два с половиною столетия к нам в церковь, был тоже Португалец».¹

Макаров С.О. описал в своей статье жизнь православной церкви в Японии конца XIX в. Он рассказал: «Я только что вернулся из Токио, где присутствовал на обедне в нашей духовной миссии. Служил отец Павел Сато на японском языке, при двух хорах японских певчих. Это была обыкновенная воскресная служба, как всегда, но она произвела на меня огромное впечатление... Я не мог представить себе, какое отрадное чувство испытывает русский человек при виде японцев, молящихся по обычаям нашей церкви».² Автора впечатлило участие японцев в православной службе: «Слезы умиления нередко наворачивались у меня на глазах, когда я стоял в церкви и видел эту густую толпу народа, в которой многие горячо

¹ Корнилов А. Из Японии // Русский вестник, июль. 1859. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Kornilov_A/text1.htm 10,12,15.

² Макаров С.О. Православие в Японии. СПб. 1889 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Makarov_S_O/prav_japan.phtml?id=11779

молились»¹. Он сообщает о том, что проведение службы в православном храме на японском языке добавляло ей эффектности: «Прекрасное пение двух огромных хоров особенно много выигрывало от того, что звучный японский язык, с его короткими слогами, чрезвычайно хорошо идет к нему»².

С.О. Макаров отметил серьезное отношение православных японцев к церковным обрядам: «Благопристойность и выдержка в храме были поразительные... Богомольцы тихо и спокойно входили в церковь, а когда стали прикладываться ко кресту, то я не заметил ни одного человека, который бы спешил и старался пройти впереди другого, хотя ни один человек не вышел из церкви, не приложившись... Многие из стариков и старушек все богослужение оставались на полу и часто на коленях горячо молились и клали земные поклоны. Во время пения „Отче наш“ тоже все усердно молились, а певчие положили земной поклон, когда окончили пение, и все это так просто, так не принужденно и с такою присущею одним японцам красотою движений, что на по стороннего человека производило самое глубокое впечатление»³.

Так же автор указал на слияние японской и православной традиции: «При начале проповеди, произнесенной, как и вся служба, на японском языке, все богомольцы сели на пол, по японскому обычаю. Наши православные церкви без скамеек как будто созданы для японцев, которые в своей домашней жизни обходятся без мебели и сидят на тех же циновках, по которым, вследствие присущей японцам опрятности, ходят без обуви»⁴.

В этих же заметках сообщаются имена клира православной церкви в Японии: «Перед причастием была проповедь, которую за отсутствием Преосвященного, ездившего в Сендай, умело сказал наставник семинарии Симеон Мии, кончивший курс кандидатом в Киевской Духовной

¹ Макаров С.О. Православие в Японии...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Академии»¹. Особо автор выделил священника Иоанна Сокай: «Преосвященный долго удерживал его при себе, чтобы наблюдать за ним, но наконец, должен был уступить его просьбам и назначить ему отдельный приход, где он чрезвычайно ревностно проповедовал православие. Отец Иоанн питался только несколькими щепотками сухого риса и водою, а часто и совсем ничего не ел, налагая на себя продолжительные посты. Вечная память этому святому человеку – его уже более нет в живых»².

Главным распространителем православия в Японии О.С. Макарьев назвал Преосвященного Николая. Он рассказал о становлении первосвященника: «Я в первый раз видел его в 1860 году простым иеромонахом в Николаевске, где и тогда уже он был известен своим святым образом жизни. Вторично встретил я его через четыре года в Хакодате, куда он приехал в 1861 году настоятелем консульской церкви. Правительство Тайкуна в это время относилось враждебно к христианам, и отец Николай стал посвящать все свое время на изучение японского языка и местных религий... В 1875 г. он уже был рукоположен в Хакодате в священнический сан, и до сих пор ревностно трудится по распространению христианства»³.

Интересно сообщение О.С. Макарова об обращении первого японца в православие: «Только в 1868 году представился случай обратить на путь православия одного японца. Это был учитель фехтования сына нашего консула Гашкевича, некто Савабе, завзятый враг христиан, который не пропускал случая при встрече с отцом Николаем, если не делать ему оскорблений, то, по крайней мере, бросать на него взгляды, полные ненависти и злобы. В один прекрасный день он зашел к отцу Николаю и в оскорбительных и резких выражениях стал упрекать его в желании, будто свойственном всем христианам, причинить Японии вред... Когда он кончил, тогда только отец Николай мог, в свою очередь, сделать ему упрек, что он бранит вымышленного им врага, и что толковый человек, ранее чем

¹ Макаров С.О. Православие в Японии...

² Там же.

³ Там же.

бранить, дол жен узнать, в чем дело. Савабе согласился, чтобы ему объяснили, в чем заключается христианское учение, и через несколько времени из заклятого язычника сделался ревностным христианином».¹

Путешественник так же описал отношение части японцев к христианским проповедникам: «Надо сказать, что японцы понимали проповедников христианства, как чудодеев, и бывали примеры, что приходил человек и требовал из любознательности, чтобы при нем было совершено какое-нибудь чудо. Недоброжелатели объясняли пожары злоумышленностью христиан, которые будто бы обращались в кошек и разносили огонь по городу на своих хвостах»².

Значимыми для исследования японской традиционной религиозной системы стали заметки О. Крестовского, написанные и опубликованные в конце XIX в. Охарактеризовал ее автор следующим образом: «В Японии издревле существуют рядом, не ссорясь между собою, два религиозных культа: Ками или Синто и Буккью. Первый из них, создавший свою собственную космогонию, представляет собою совершенно самостоятельную, ни откуда не заимствованную национальную религию этой страны, — религию, начало коей уходит в мрак баснословных веков и, по наименьшей мере, современно началу самой Японии, как государства, а таковое исторически достоверно существует уже 2555 лет... Второй же культ, Буккью, т. е. буддизм, проник сюда из Кореи сравнительно уже в позднейшие времена, а именно в середине VI века нашей эры. Введение буддизма в Японии относится к 255 году по Р. Х.»³.

О. Крестовский собственно японской религией определял синтоизм: «Синто есть собственно китайское название первого культа, которое однако привилось к Японии не менее, если даже не более, чем ее собственное — Ками. Основа этой религии заключается в почитании памяти предков,

¹ Макаров С.О. Првославие в Японии

² Там же.

³ Крестовский О. Синто и Буккью. (Из воспоминаний о стране "восходящего солнца") // Русский вестник, № 8. 1890. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Krestovskij/text1.phtml?id=11790>

ведущих свое земное происхождение непосредственно от божественной четы Изанаги и Изанами, трудившихся при жизни над государственным созданием Японии и обратившихся за это по смерти в ками, т. е. духов-хранителей и покровителей японского государства и народа»¹.

Особенно в синтоизме исследователя заинтересовала его «космогония, предполагающая ряд неизмеримых последовательных периодов, в течение коих созидалось дело зарождения Мира». Автор описал создание мира в каком порядке: «В начале не было ни неба, ни земли. Смешение всех веществ составляло жидкую, мутную массу, подобную яйцу в зародыше, где белок и желток остаются в смешении. В бесконечном пространстве, наполнявшем этот хаос, было божественное тройственное начало, верховное существо, имеющее трон над хаосом, посреди нынешнего (возникшего впоследствии) неба. Субстанция этого верховного существа состоит: 1) из него самого, 2) из начала творческого и 3) из верховного разума. Каждое из этих начал имело и собственное, субъективное существование, не выходя однако из сферы своей духовной природы единого верховного Бога. Это-то тройственное божественное начало, силой своего разумно-творческого почина, вызвало отделение неба от земли: "Тончайшие атомы, носившиеся в беспредельном пространстве, образовали небо; атомы грубейшие мало по малу соединились, сплотились вместе и составили землю. Тончайшие атомы скоро раскинули округленный небесный свод; атомы грубейшие смыкались гораздо медленнее, и земля возникла, спустя долгий период времени после неба"»².

Так же О. Крестовский уделил много внимания мифологии появления Японии и отметил, что даже секты рационалистов этой страны (конфутзианцы) чтут Тенсё-дай-джин. Он подробно описал устройство храмов синтоского культа, называемые миа³. Исследователь пришел к выводу, что культ Ками оставляет своим последователям надежду на будущую загробную жизнь в лучшем мире. «Довольство своею долей и

¹ Крестовский О. Синто и Буккьо. (Из воспоминаний о стране "восходящего солнца")...

² Там же.

³ Там же.

истекающая из сего ясность и спокойствие духа — вот главнейший завет этой религии, не знающей ни особой священнической касты, ни особой обрядности, и по учению которой все люди суть дети одной и той же божественной четы, а, стало быть, должны жить, в братском согласии и союзе между собою»¹. Он отметил, что культ Ками требует от своих последователей духовной и физической чистоты и празднования памяти Ками и собственных своих, родовых предков. Для выполнения первого условия необходимо тщательно сберегать у себя огонь на очаге и чистую воду, как два очищающие начала, и ежедневно совершать утреннее и вечернее омовение; а для второго — участвовать, хотя бы раз в год, в процессии матсури в честь великих ками, которая всегда направляется к какому-либо посвященному им месту. Но следует заметить, что моление перед "кангами" никогда не обращается к самому Ками: молящиеся призывают его только для посредничества и предстательства за них перед богами.²

Религия и мифология играла важную роль в Японии. Можно заметить, что существовали различные верования и каждый японец верил в миологические существования. Этим мы можем убедиться в дневниках мореплавателей и консулов которые находились в Японии.

¹ Крестовский О. Синто и Буккьо. (Из воспоминаний о стране "восходящего солнца")...

² Крестовкой В. Воспоминание о стране « Восходящего солнца»

Заключение

В заключении формулируются основные выводы.

Основными аспектами существования Японии, рассмотренными в работах отечественных исследователей конца XVIII – начала XX века стали политические институты: органы государственного управления, законодательство, международные взаимоотношения, в том числе с Россией. Из культурных институтов, рассмотренных отечественными путешественниками и историками стали быт и нравы японцев, а так же религиозные и мифологические представления.

Исследователи конца XVIII – конца XIX века обращали внимание на особое отношение к императору, можно сказать сакральное, имевшее под собой основание божественности происхождения его рода. На рубеже XIX-XX веков среди российских историков появились профессиональные востоковеды (Т.А. Богдановия, Н.И. Конрад), посветившие свои работы, прежде всего развитию политических институтов в Японии, предложивших собственную периодизацию истории страны основанную на смене, прежде всего, форм правления.

С точки зрения российских исследователей исследуемого периода, ведущая роль в генезисе русско-японских отношений принадлежала России, что было обусловлено освоением ею Камчатки, Курильских и Алеутских островов и стремлением японских властей к самоизоляции. Характер русских экспедиций, направляемых к берегам Японии в XVIII - начале XIX в., определялся ставившимися перед ними задачами. Экспедиции второй половины XVIII в. - 1805 г. проделали эволюцию от организованных купеческими компаниями до официального посольства, отправленного от имени российского императора.

В период русско-японской войны публиковалось очень много статей в российских газетах и журналах, освещавших данное событие. Они содержат материал для анализа по проблеме конструирования образа врага.

Российских исследователей конца XVIII – начала XX века в своих работах затрагивали множество аспектов, связанных с религией и мифологией японцев, а так же бытом и нравами. Чаще всего акцентировались нюансы являвшиеся экзотичными для россиян: внешний вид, традиционный японский костюм, синтаизм и буддизм и т.д. Авторы свидетельствовали о заимствовании многих элементов материальной и духовной культуры у Китая. Особенно важную роль эти заимствования проявились через буддизм и некоторые виды культуры и искусства. При этом Япония активно трансформировала заимствуемое, включала в имеющееся японское самобытное. В заметках конца XIX века стали подчеркиваться процессы европеизации страны, во многом внешней при сохранении традиционной культурной основы.

Ряд работ исследователей посвящен становлению православия в Японии, трудностям с которыми приходилось сталкиваться и особенностям его восприятия японцами.

Источники

- 1.Алексеев П.С. Путевые заметки о Японии [Электронный ресурс]: Адрес доступа : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880-1900/Alexeev_P_S/text1.htm 10.0216.
2. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Кн. 4–5. М.: Наука, 1990. 744 с.
- 3.Беломор А. Тсу-Симский Эпизод [Электронный ресурс]: Адрес доступа:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1860-1880/Belomor_A/text1.phtml?id=11772 10.01.16.
4. Богданович Т.А. Очерки из прошлого и настоящего Японии // История Японии. Сборник исторических произведений. М., 2010. С. 73-157.
- 5.Брюсов В.Я. – Волошину М.А. Ок. 10/23 февраля 1904 года // Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. 635 с.
- 6.Буссен Н.В. Русские и японцы на Сахалине [Электронный ресурс]: Адресадреса:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Busse_N_V/text1.phtml?id=11768 10,12,15.
7. Воронович Н.В. Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952 [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/voronovich_nn/index.html . 01.05.09.
- 8.Венюков М. Состав военных сил в Японии [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1860-1880/Venjukov_M/sost_voen_sil_1869_1870.phtml?id=11775 11.01.16.
- 9.Вышеславцев, А.В Из Эдо [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Vyseslavcev_A_V/text1.htm
- 10.Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. / АН СССР. Л.: Наука, 1986. 879 с.

- 11.Гошкевич И.А. Инструкция первому российскому консулу в Японии. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18401860/Goskevic_I_A/text1.phtml?id=12838 11.11.15.
- 12.Добровольский А. Сорок семь могил [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/188019-00/Dobrovolskij_A/text1.htm 13.12.15.
- 13.Крестовкий В. Воспоминания о стране «Восходящего солнца» [Электронный ресурс]: Адрес доступа :<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/188019-00/Krestovskij/text1.phtml?id=11790> 10.01.16.
- 14.Куропаткин А.Н. Японский дневник [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XX/19001920/Kuropatkin_A_N/pred.phtml?id=1181814.03.16.
- 15.Коцебу, О.Е. Письмо [Электронный ресурс]: Адрес доступа:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Kotsebu/brief_japan_1805.phtml?id=11755
- 16.Конилов, А. Из Японии [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Kornilov_A/text1.htm
- 17.Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников // Гранатовый браслет. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1984. 335с.
- 18.Куланов А.Е. Стоногина Ю.Б. Образ Японии в России: правда и вымысел // Новый журнал, 2003, № 231 [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2003/231/kulanov.htm>. 10.03.08.
- 19.Лаксман Э. Предложения о торговле с Японией [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVIII/1780-1800/Laksman_E/text1.htm
20. Лаксман .А. Журнал мореплавания в Японию[Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVIII/1780-1800/Laksman_A/text1.phtml?id=11751

21.Левенштерн Е Е Дневник [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Levenstern_E_E/text1.phtml?id=13335

22.Летопись войны с Японией, СПб., 1904-1905, №1-84.

23.Макаров С.О. Православие в Японии [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/188019-00/Makarov_S_O/prav_japan.phtml?id=1177915.01.16.

24.Масимов. В .Наши задачи на крайнем востоке [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/188019-00/Maksimov_V/text1.htm14.12.15

25.Махов В.Е. Путевые заметки бывшего 1854 и 1855 годах в Японии [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18401860/Machov_V_E/text1.phtml?id=11835 11.11.15.

26.Муханов П.С. Дневник Гардемарины; [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840186-0/Muchanov_P_S/text1.htm10.12.15

27.Молодяков В.Э. Брюсов и Япония: сто лет спустя [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.japon.ru/?TextArchive&ID=175>. 05.04.09.

28.Нечто о Японцах [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/Vestnik_Evropy/1804_c_13_nom_1.phtml?id=11754

29.Первое жизнеописание [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Zizneop_Mejdzi/text.phtml?id=12880

30.Пчелинцева К.Ф. Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва. Материалы международной конференции 14-15 февраля 2003 г. Серия “Symposium”, выпуск 32. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.372-377.

31.Посольство Н.П. Резанова [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800-1820/BotschaftResanov/text1.htm>

32.Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990

33. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/novik.html>. 05.04.09.

34.Сребрянский М.В. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М.: Отчий дом, 1996. 352 с.

35. Толстогузов А.А. Очерки истории Японии VII--XIV вв. - М.: БЕК, 1995.

36.Федоров И.И О путешествии в Японию [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1800182-0/Fedorov_I_I/text.phtml?id=12389 11.11.15.

37. Хвостов Н.А Анализ инструкции Розанова–Хвостов и Давыдова. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/18001820/Chvostov/text1.phtml?id=11756>

38.Черевкова А.А Воспоминания о Японии. [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1880190-0/Cerevkova/text1.phtml?id=11781> 15.11.15.

39. Штейнгауз А.И. Япония и японцы глазами русских (вторая половина XIX в) [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/12/shtejngauz12.shtml>. 20.12.07.

Литература

40. Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа, 1970, № 2. С. 51-55.

Громковская Л.Л. Из истории культурных взаимосвязей Японии и Европы // Народы Азии и Африки, 1969, №2. С. 88-94.

41. Гришелева Л.Д., Чегодарь Н.И. Японская культура нового времени. Эпоха Мэйдзи. М.: Восточная литература, 1998. 240 с.

42. Жуков А.Е. Японское зеркало: факторы формирования представлений о Японии в странах Запада и России [Электронный ресурс]: Адрес доступа: http://www.comitet21.ru/analyth_10.htm. 10.03.08.

43. Жукова Л.В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. С. 259-275.

44. Колосов В.А. «Низкая» и «высокая» геополитика: образы зарубежных стран в представлениях российских граждан // Отечественные записки, 2002, №3. С. 33-52.

45. Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии М.: Высшая школа, 1988

46. Куланов А.Е. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://www.japon.ru/?TextArchive&ID=73>. 29.03.16.

47. Куланов А.Е. Стоногина Ю.Б. Образ и реальность: Япония и Россия глазами друг друга // Неприкосновенный запас, 2003, № 3 (29) [Электронный ресурс]: Адрес доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/kulan.html>. 10.03.16 .

48. Мещеряков А.Н. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 1999. 399с.

49. Понников В.А., Ладанов И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки). Москва: Наука, 1985.